

**ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ
І.І. МЕЧНИКОВА**

Богата Л.М.

Методичні рекомендації з курсу

**«Інноваційний характер категорій сучасної
гуманітаристики»**

для самостійної роботи студентів
спеціальності

7.02010101 / 8.02010101 «Культурологія»

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ
ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені І.І.МЕЧНИКОВА

ФІЛОСОФСЬКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МЕТОДИЧНІ РЕКОМЕНДАЦІЇ З КУРСУ

**«Інноваційний характер категорій сучасної
гуманітаристики»**

для самостійної роботи студентів
спеціальності
7.02010101 / 8.02010101 «Культурологія»

ОНУ імені І.І.Мечникова

2015

УДК 165.172 : 80 . 001.76 (075.8)

ББК 87.225 я 81

Б 732

Богата Л.М.

Б 732 «Методичні рекомендації з курсу «Інноваційний характер категорій сучасної гуманітаристики» для самостійної роботи студентів спеціальності 7.02010101 / 8.02010101 «Культурологія»» .
– Одеса : Печатный дом, 2015. – 63 с.

Рецензенти:

Соболевська О.К., доктор філософських наук, доцент кафедри культурології

Голубович І.В., доктор філософських наук, професор кафедри філософії і основ загальногуманітарного знання

Рекомендовано до друку Вченою радою
філософського факультету ОНУ імені І.І.Мечникова.
Протокол № 2 від 08.10. 2015 р.

ВСТУП

Курс «Інноваційний характер категорій сучасної гуманітаристики» є складовою професійної підготовки студентів-культурологів.

Категоріальний апарат будь-якої дисципліни – це важливе підґрунття для її засвоєння. Дослідження тих або інших дисциплінарних галузей свідчить про те, що з часом відбуваються певні категоріальні зсуви, зміни в категоріальних сітках: з'являються нові категорії, традиційні категорії починають працювати у так званому «фоновому режимі» та навпаки: деякі «застарілі» категорію отримують нове життя, що й можна назвати процесами категоріальних інновацій.

Сучасна гуманітаристика є дисципліною, що знаходиться на стадії свого визначення. Гуманітарне знання містить приклади дуже відмінних дефініцій цієї дисципліни, але багато з означень, що існують, підкреслюють факти нескінченних міждисциплінарних змішень, які й формують суто гуманітарні дискурси. Такі зміщення й призводять до того, що певні категорії, що виникали в межах тієї або іншої дисциплінарної лакуни, починають дрейфувати у близькі гуманітарні зони. Категорії зміщуються, вибудовуються нові категоріальні сітки і ці процеси потребують пильної уваги дослідників.

Мета курсу – навчити студентів орієнтуватися в сучасному гуманітарному універсумі знання, свідомо оперувати фундаментальними категоріями гуманітаристики.

Завдання курсу:

- звернути увагу студентів на процеси формування та переформування базових категорій гуманітарного знання;
- встановити відмінність культурних категорій від культурних універсалій;
- з'ясувати місце гуманітаристики в системі гуманітарного знання, гуманітарних наук;

- розглянути причини та умови розвитку категоріального апарату гуманітаристики;
- виявити нові категоріальні утворення, що формують сучасне гуманітарне знання;
- розвивати навички аналізу складних гуманітарних дискурсів;
- прищепити смак до читання та дослідження сучасних філософських та культурологічних текстів;
- розвивати навички культурологічного аналізу і оцінки соціокультурних явищ, вміння формулювати і відстоювати власну позицію, сформовану за наслідками проведених досліджень.

У результаті вивчення даного курсу студент повинен

знати:

- гносеологічний статус категорії як форми мислення;
- перелік базових гуманітарних категорій;
- відмінність категорії від поняття та концепта;
- відмінність гуманітарних категорій від культурних універсалій;
- умови та характер генези категорій;
- прояви категоріальних інновацій;

вміти:

- відрізнити категорію від поняття та концепту;
- дослідити процес розвитку гуманітарної категорії;
- встановлювати категоріальні взаємодії та взаємовпливи;
- дослідити роль концептів та понять у розгортанні категорії;
- навести приклади інноваційного розвитку деяких категорій.

Згідно з навчальним планом дисципліна «Методологія постмодерну» вивчається протягом першого семестру шостого курсу на освітньо-кваліфікаційному рівні «магістр». Курс розрахований на 40 годин аудиторних (лекційних) занять та передбачає проведення підсумкового заліку.

ТЕМАТИЧНИЙ ПЛАН

№	Тема	Кількість годин
1	Інновація та інноваційність як сучасний культурний тренд	2
2	Роль категорій в системі сучасного гуманітарного пізнання	2
3	Гуманітаристика та гуманітарне знання	2
4	Культурологія в системі гуманітарного знання	2
5	Культурний поворот	4
6	Слово та його іпостасі	4
7	Мисль та мислення	4
8	Смисл як фундаментальна категорія гуманітаристики	4
9	Категорія тексту в сучасній культурології	4
10	Наратив. Наративний поворот	4
11	Гуманітарний дискурс. Проблема міждисциплінарності в сучасній гуманітаристиці	4
12	Життєвий світ людини: етапи становлення поняття. Тема конституювання	4

ЗМІСТ КУРСУ

Тема 1. Інновація та інноваційність як сучасний культурний тренд

Поняття інновації. Інновація, інноватика, інноваційність – термінологічні відмінності. Інновація та модернізація. Програми інноваційного розвитку. Інновації в інтелектуальних середовищах. Ситуації інновації в історії понять.

Тексти для самостійної роботи:

1. Другова Е.А. **Инноватика в поиске нового гуманитарного содержания: онтология, аксиология, методология** // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1 (21). – С.5-19.

2. Егоркин В.Г. **Философия инноваций** // Общество. Среда. Развитие. – Вып 1. – 2006. – С. 14-25.

3. Захаров А.А. **Самотождественность инноваций и роль симулякров в реальной экономике России начала XXI века** // CREDO NEW - теоретический журнал, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/1066/65/>

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *інновація, інноватика, інноваційність, модернізація, інтелектуальні середовища, креативність*

Основні питання до теми:

1. Поняття інновації, інноватики, інноваційності.
2. Інновації в інтелектуальних середовищах.
3. Ситуації інновації в історії понять.

Тема 2. Роль категорій в системі сучасного гуманітарного пізнання

Категорії як засіб організації гуманітарного знання. Дослідження категорій гуманітаристики в межах тезаурусного підходу. Е. Бенвеніст про категорії. Категорії та культурні універсали. Категоріальні сітки. Категорії та термінологічні гнізда.

Тексти для самостійної роботи:

1. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. 1995. – № 10. – С.129-143. (Обов'язкове опрацювання).

2. Богатая Л.Н. Выявление *терминологических гнезд* как один из методов современной гуманитаристики // Науковий вісник Чернівецького

університету : Збірник наукових праць. Випуск 754-755. Філософія. – Чернівці : Чернівецький нау. Ун-т, 2015. – 287 с. [Додаток, 1].

3. **Бенвенист Э.** Категории мысли и категории языка / Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 104-114.

4. **Степин В.С.** Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011, – 408 с. – (Классика гуманитарной мысли ; Вып.3).

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: гуманітаристика, категорія, категоріальні сітки, культурні універсалії.

Основні питання до теми:

1. Категорії як засіб організації гуманітарного знання.
2. Категорії та культурні універсалії.
3. Категоріальні сітки.

Тема 3. Гуманітаристика та гуманітарне знання

Гуманітаристика та її відмінності від гуманітарного знання. Специфіка об'єкту гуманітарного знання. Проблема адаптації науково-пізнавальних технік до гуманітарного пізнання. Гуманітарне знання в системі сучасних університетів. Пошуки підґрунтя сучасної гуманітаристики. Проблема існування гуманітарних технологій.

Тексти для самостійної роботи:

1. **Богатая Л.Н.** Выявление *терминологических гнезд* как один из методов современной гуманитаристики // Науковий вісник Чернівецького університету : Збірник наукових праць. Випуск 754-755. Філософія. – Чернівці : Чернівецький нау. Ун-т, 2015. – 287 с. (Фрагмент тексту). [Додаток, 2].

2. **Афанасьев А.И.** Гуманитарное знание и гуманитарные науки: моногр. / А.И.Афанасьев. – О.: Бахва, 2013. – 288 с.

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: гуманітарне знання, гуманітаристика, гуманітарні технології, гуманітарні науки.

Основні питання до теми:

1. Гуманітаристика та її відмінності від гуманітарного знання.
2. Проблема адаптації науково-пізнавальних технік до гуманітарного пізнання.
3. Гуманітарне знання в системі сучасних університетів.
4. Проблема існування гуманітарних технологій.

Тема 4. Культурологія в системі гуманітарного знання

Культурологія: історія розвитку поняття. Культурологія як складова гуманітарного знання. Сучасні проблеми культурології. Історична та аналітична культурологічні стратегії. Проблема методу в культурології. Українська культурологія.

Тексти для самостійної роботи:

1. Кирилова О. Українська культурологія у східно-західних контекстах. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://krytyka.com/ua/articles/ukrayinska-kulturolohiya-u-skhidno-zakhidnykh-kontekstakh>. (Обов'язкове опрацювання).

2. Флиер А.Я. Феномен культурологии: опыт новой интерпретации // Обсерватория культуры, 2011. – № 2.

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *культурологія, історична культурологія, аналітична культурологія.*

Основні питання до теми:

1. Культурологія: історія розвитку поняття.
2. Історична та аналітична культурологічні стратегії.
3. Українська культурологія.

Тема 5. Культурний поворот.

Умови сучасного культурного повороту. Трансформації культурологічного дискурсу. Фундаментальні культурні зсуви. Культурний поворот у контексті парадигмальних зсувів. Характерні риси культурного повороту. Теоретична культурологія. Розвиток культурологічних категорій.

Тексти для самостійної роботи:

1. Безуглова Н.П. Культурный поворот: смена парадигм//Полигнозис, 1(40), 2011. – С.72-82. (Обов'язкове опрацювання).

2. Библиер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библиер. – М. : Политиздат., 1991. – 412 с.

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *культурний поворот, парадигма, культурні зсуви, парадигмальні зміни*

Основні питання до теми:

1. Культурний поворот у контексті парадигмальних зсувів.
2. Характерні риси культурного повороту.

Тема 6. Слово та його іпостасі.

Уявлення про іпостасі слова. Поняття та концепт як інструменти пізнання. Слово як термін. Слово як символ. Слово як ім'я. Методологія багатовимірного термінологічного аналізу (БТ-аналіз).

Тексти для самостійної роботи:

1. **Богатая Л.Н. Слово и его ипостаси.** [Додаток, 3]. (Обов'язкове опрацювання).

2. **Богатая Л. Н.** На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – С.222-235. (Фрагмент монографії).

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *концепт, поняття, символ, ім'я, термін, іпостась.*

Основні питання до теми:

1. Уявлення про іпостасі слова.
2. *Поняття та концепт* як інструменти пізнання.
3. Слово як термін.
4. Слово як символ.
5. Слово як ім'я.

Тема 7. Мисль та мислення.

Проблема мислення. Мислення та буття. Мисль та смисл (думка та сенс): прояснення термінів. Багатовимірне мислення. Локальний простір смислів. Багатовимірність та трансверсальність. Мислення в ситуації гуманітарної складності. Проблема компактифікації та експлікації.

Тексти для самостійної роботи:

1. **Бибихин В.В. Дело Хайдеггера** // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 166–171. (Обов'язкове опрацювання).

2. **Богатая Л.Н. Проблематизация темы мышления** // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія. Філософія. Політологія. – Вип.5. – Одесса, 2013. – С. 34-40. [Додаток, 4].

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *мисль, мислення, смисл, багатовимірне мислення, трансверсальність.*

Основні питання до теми:

1. Мислення та буття.
2. Мисль та смисл (думка та сенс): прояснення термінів.
3. Багатовимірне мислення. Локальний простір смислів.

4. Багатовимірність та трансверсальність.

Тема 8. Смысл як фундаментальна категорія гуманітаристики.

Смысл, знак та значення. Розрізнення термінів смысл та сенс. Експлікація смыслу. Смысловий континуум. Локальний смысловий простір. Розуміння як порівняння локальних смыслових просторів. Смысл, семема та ноема. Концепт як смыслове утворення. Архітектоніка концепту. Культура як світ смыслів. Людина та її смысли.

Тексти для самостійної роботи:

1. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – С.109-112. (Фрагмент монографії). (Обов'язкове опрацювання). [Додаток, 5].

2. Рупташ О.В. Поняття смыслу в гуманітарнонауковій парадигмі знання : монографія / Ольга Рупташ. – Чернівці : Чернівецький національний ун-т, 2015. – 336 с. (фрагмент монографії).

3. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с. (Обов'язкове опрацювання).

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *смысл, знак, значення, денотат, десігнат, концепт, локальний простір смыслів*

Основні питання до теми:

1. Смысл, знак та значення.
2. Смысл, семема та ноема.

Тема 9. Категорія *тексту* в сучасній культурології

Текст як одиниця гуманітарного знання. Роль тексту в семіотичній та структуралістській традиції. Текст в концепції Ю.М. Лотмана. Від тексту до дискурсу: причини методологічних зсувів.

Тексти для самостійної роботи:

1. Бахманн-Медик Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы / Д. Бахманн-Медик // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 1. – С.32-48. (Обов'язкове опрацювання).

2. Богатая Л.Н. Гуманитарная сложность в контексте ближайших категориальных понятий. (Обов'язкове опрацювання). [Додаток, 6].

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *текст, текст у семіотичній традиції, текст у структуралістській традиції*

Основні питання до теми:

1. Текст як одиниця гуманітарного знання.

2. Роль тексту в семіотичній та структуралістській традиції.
3. Від текста до дискурсу: причини методологічних зсувів.

Тема 10. Наратив. Наративний поворот.

Поняття наративу. Ситуації наратизації. Наратологія. Наратив як форма дискурсу. Темпоральні характеристики наративу. Наратив як аналітичний інструмент. Наратологічні дослідження. Наративний поворот у контексті інших гуманітарних поворотів.

Тексти для самостійної роботи:

1. Трубина Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://psylib.myword.ru/index.php?automodule=downloads&showfile=1596>.

(Обов'язкове опрацювання).

2. Барышникова Д. Е. Когнитивный поворот в постнеклассической нарратологии. (Обзор новых англоязычных книг) // «НЛО», 2013, №119 .

[Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/b32-pr.html>. (Обов'язкове опрацювання).

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *наратив, наратологія, наративна ситуація, наративний поворот.*

Основні питання до теми:

1. Поняття наративу. Ситуації наратизації.
2. Наратологія. Наратив як форма дискурсу.
3. Наративний поворот у контексті інших гуманітарних поворотів.

Тема 11. Гуманітарний дискурс. Проблема міждисциплінарності в сучасній гуманітаристиці.

Синтетичність культурологічного дискурсу. Проблема поліпарадигмальності. Між- та трансдисциплінарність. Міждисциплінарність як середовище формування сучасних гуманітарних дискурсів. Діскурс та дискурс. Різновиди дискурсів. Від текста до дискурсу: причини методологічних зсувів. Поняття дискурсивних практик. Дослідження дискурсу в постмодерністській традиції. Дискурс-аналіз М.Фуко.

Тексти для самостійної роботи:

1. Маркович А.А. Дискурс: определения, история возникновения, типология, подходы к изучению дискурса / А.А. Маркович // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Сборник

научных трудов. Выпуск 5. Дискурс в современном знании. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. – С. 5-17. (Обов'язкове опрацювання).

2. Богатая Л.Н. Многомерный терминологический анализ: развитие методологии современной гуманитаристики. [Додаток, 7].

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми:
міждисциплінарність, культурологічний дискурс, поліпарадигмальність, трансдисциплінарність, діскурс та дискурс.

Основні питання до теми:

1. Діскурс та дискурс. Різновиди дискурсів.
2. Від текста до дискурсу: причини методологічних зсувів.

Тема 12. Життєвий світ людини: етапи формування конструкту. Тема конституювання

Життєвий світ. Поняття життєвого світу в філософії Е. Гусерля. Функціонування життєвого світу. Соціологічний підхід А.Шюца до аналізу життєвого світу. Поняття життєвого світу в концепції Ю. Габермаса. Проблема конституювання.

Тексти для самостійної роботи:

1. **Хабермас Ю.** Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123-136. (Обов'язкове опрацювання).

2. Табачковський В. Г. Людина. Світ. Світопорядки / В. Г. Табачковський // Практична філософія. – 2003. – № 3. – С. 34-41.

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *життєвий світ, конституювання життєвого світу*

Основні питання до теми:

1. Життєвий світ. Поняття життєвого світу в філософії Е. Гусерля.
2. Поняття життєвого світу в концепції Ю. Габермаса

БАЗОВІ ПОНЯТТЯ КУРСУ

1. Аналітична культурологія
2. Багатовимірне мислення
3. Ім'я
4. Інноватика
5. Інноваційність
6. Інновація
7. Інтелектуальні середовища
8. Іпостась
9. Історична культурологія
10. Гуманітаристика
11. Гуманітарні науки
12. Гуманітарні технології
13. Гуманітарне знання
14. Діскурс
15. Дискурс
16. Денотат
17. Десігнат
18. Життєвий світ
19. Знак
20. Значення
21. Ім'я
22. Інноватика
23. Інноваційність
24. Інновація
25. Інтелектуальні середовища
26. Іпостась
27. Історична культурологія
28. Категоріальні сітки
29. Категорія
30. Концепт
31. Креативність
32. Культурні зсуви
33. Культурні універсалії
34. Культурний поворот
35. Культурологічний дискурс
36. Культурологія
37. Локальний простір смислів
38. Міждисциплінарність
39. Мислення
40. Мисль
41. Модернізація
42. Наратив

- 43. Наративаний поворот
- 44. Наративна ситуація
- 45. Наратологія
- 46. Парадигма
- 47. Парадигмальні зміни
- 48. Поліпарадигмальність
- 49. Поняття
- 50. Символ
- 51. Смысл
- 52. Текст
- 53. Термін
- 54. Трансверсальність
- 55. Трансдисциплінарність.

МОДУЛЬНІ ПИТАННЯ

4. Поняття інновації, інноватики, інноваційності.
5. Інновації в інтелектуальних середовищах.
6. Ситуації інновації в історії понять.
7. Категорії як засіб організації гуманітарного знання.
8. Категорії та культурні універсалії.
9. Категоріальні сітки.
10. Гуманітаристика та її відмінності від гуманітарного знання.
11. Проблема адаптації науково-пізнавальних технік до гуманітарного пізнання.
12. Гуманітарне знання в системі сучасних університетів.
13. Проблема існування гуманітарних технологій.
14. Культурологія: історія розвитку поняття.
15. Історична та аналітична культурологічні стратегії.
16. Українська культурологія.
17. Культурний поворот у контексті парадигмальних зсувів.
18. Характерні риси культурного повороту.
19. Розвиток культурологічних категорій.
20. Уявлення про іпостасі слова.
21. Поняття та концепт як інструменти пізнання.
22. Слово як термін. Слово як символ. Слово як ім'я.
23. Мислення та буття.
24. Мисль та смисл (думка та сенс): прояснення термінів.
25. Багатовимірне мислення. Локальний простір смислів.
26. Багатовимірність та трансверсальність.
27. Смисл, знак та значення.
28. Смисл, семема та ноема.
29. Текст як одиниця гуманітарного знання.
30. Роль тексту в семіотичній та структуралістській традиції.
31. Від тексту до дискурсу: причини методологічних зсувів.
32. Поняття наративу. Ситуації наратизації.
33. Наратологія. Наратив як форма дискурсу.
34. Наративний поворот у контексті інших гуманітарних поворотів.
35. Діскурс та дискурс. Різновиди дискурсів.
36. Від тексту до дискурсу: причини методологічних зсувів.
37. Життєвий світ. Поняття життєвого світу в філософії Е. Гусерля.
38. Поняття життєвого світу в концепції Ю. Габермаса.

ЛІТЕРАТУРА ДО КУРСУ

- Аршинов В. И. Свирский Я.И. От смыслопрочтения к смыслопорождению / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // Вопросы Философии. – 1992. – № 2. – С.145-152.
- Аршинов В.И. Синергетика конвергирует со сложностью / В.И.Аршинов // Вопросы философии. – 2011. – №4. – С. 78-84.
- Аршинов В.И. Рефлексивно-активные среды инновационного развития в контексте синергетики сложности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/arshhhhhiiiiinnn.htm>
- Аршинов В.И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности / Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – С. 59-73.
- Афанасьев А.И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: моногр. / А.И.Афанасьев. – О.: Бахва, 2013. – 288 с.
- Барышникова Д. Когнитивный поворот в постнеклассической нарратологии. (Обзор новых англоязычных книг) // «НЛО», 2013, №119 . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/b32-pr.html>
- Бахманн-Медик, Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы/ Д. Бахманн-Медик // Новое литературное обозрение. - 2011. - № 1. - С.32-48.
- Безуглова Н.П. Культурный поворот: смена парадигм//Полигнозис, 1(40), 2011. – С.72-82.
- Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка / Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 104-114.
- Бердяев Н.А. О назначении человека [Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/_Nazn_Index.php].
- Бибихин В.В. Дело Хайдеггера. Витгенштейн и Хайдеггер: один эпизод. Герменевтика / Бибихин В. В. – Москва : Директ-Медиа, 2010. – 132 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=46856>
- Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М. : Политиздат., 1991. – 412 с.
- Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – 372 с
- Богатая Л.Н. Гештальт сознания / Л. Н. Богатая. – Одесса: Альянс-Юг, 2004. – 221 с.
- Богатая Л.Н. Проблематизация темы мышления // Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – 444 с. – С.163-195.
- Богатая Л.Н. Терминологические гнезда и их роль в формировании и проявлении гуманитарных дисциплинарных матриц // Науковий вісник Чернівецького університету : Збірник наукових праць. Випуск 754-755. Філософія. – Чернівці : Чернівецький нау. Ун-т, 2015. – 287 с.
- Богачов А. Досвід і сенс. Монографія. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2011. – 336 с.
- Габермас Ю. Постметафізичне мислення / Пер. з нім. В. Купліна. – Київ: Дух і Літера, 2011. – 280 с. – («Сучасна гуманітарна бібліотека»).
- Гіденс Е. Нестримний світ: як глобалізація перетворює наше життя. – К.:Альтерпрес, 2004. – 100 с. (Сучасна гуманітарна бібліотека).
- Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе / Ф.И.Гиренок. – М.: Академический проект, 2008. – С. 6–27.
- Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Моногр. – О.: ФЛП Фридман А.С., 2008. – 372 с.

- Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. 1995. – № 10. – С.129-143.
- Еременко А. М. Категория события в философии новейшего времени / А. М. Еременко // Практична філософія. – 2006. – № 3. – С. 193-201.
- Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Том перший. – К. : ДУХ І ЛІТЕРА, 2009. – 576 с.
- Йосипенко О.О. Проблема сенсу та її головні трансформації у французькій філософії другої половини ХХ сторіччя / О.О. Йосипенко // Філософська думка. – 2009. – № 4. – С. 57-67.
- Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. — 416 с.
- Киященко, Л.П. Философия трансдисциплинарности / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с.
- Киященко Л.П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения)// Философия науки. Вып. 18: Философия науки в мире сложности //Отв. ред.: В.И. Аршинов, Я.И. Свирский. М.: ИФ РАН, 2013.с.278-292.
- Кримський С. Б. Ранкові роздуми / С. Б. Кримський. – К. : Майстерня Білецьких, 2009. – 120 с.
- Крымский С. Экспликация философских смыслов / С. Крымский. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 240 с.
- Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – 704 с.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 414 с.
- Луцькянець В. С. Гуманитарная революция / В. С. Луцькянець // Практична філософія. – 2004. – № 3. – С. 3–17.
- Майнцер К. Вызовы сложности в ХХІ веке // Вопросы философии. – 2010. – №10. – С.84-99.
- Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. Пер. с англ. Под ред. и с предисл. Г. Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 464 с.
- Маркович А.А. Дискурс: определения, история возникновения, типология, подходы к изучению дискурса / А.А. Маркович // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Дискурс в современном знании. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. – С. 5-17.
- Морен Э. К пропасти? / Э. Морен; пер. с франц. Г. Наумовой. – СПб.: Алетейя, 2011. – 136 с. – (Gallicinium).
- Подорога В. А. Выражение и смысл / В. А. Подорога. – М. : Ad Marginem, 1995. – 426 с.
- Проблема человека в западной философии: Переводы / [сост. и послесл. П.С. Гуревича]. – М. : Прогресс, 1988. – 552 с.
- Риккерт Г. Ценности жизни и культурные ценности // Экн. Альманах новой и старой культуры. – М.,1995.
- Розин В. М. Конституирование себя и реальности как способ жизни новоевропейской личности и философа / В. М. Розин // Вопросы философии. – 2009. – №7. – С.91-107.
- Рупташ О.В. Поняття смислу в гуманітарнонауковій парадигмі знання : монографія / Ольга Рупташ. – Чернівці : Чернівецький національний ун-т, 2015, – 336 с.

Свирский Я. И. Самоорганизация смысла (опыт синергетической онтологии) / Я. И. Свирский. – М. : ИФРАН, 2001. – 181 с.

Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011, – 408 с. – (Классика гуманитарной мысли ; Вып.3).

Табачковський В. Г. Людина. Світ. Світопорядки / В. Г. Табачковський // Практична філософія. – 2003. – № 3. – С. 34-41.

Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – 444 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123-136.

Шютц А. Повседневное мышление и научная интерпретация человеческого действия // Современная зарубежная социология. 70-80-е годы. – М.: ИНИОН, 1993.

ДОДАТКОВА ЛІТЕРАТУРА ДО КУРСУ

- Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с. (Humanitas).
- Аршинов В.И. На пути к коммуникативной Вселенной солидарности и альтруизма. / В.Аршинов, Н. Кульберг, Дж.Пурвис, В.Шкунденков Антропокосмическая модель вселенной. – Тула: «Репроцентр», 2008 .
- Ведмедев М.М. Культурні ресурси продуктивного мислення : монографія / М.М. Ведмедев. – Суми : Університетська книга, 2011. – 216 с.
- Гусев С. С. Коммуникативная природа субъективной реальности / С. С. Гусев // Эпистемология & философия науки. – 2005. – Т. III. – № 1. – С. 150.
- Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. – С. 7- 155. (Сер. Лики культуры).
- Князева Е.Н. Как возможно мышление о сложном и управление сложностью? // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 81-84.
- Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. – М. : изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989. – 287 с.
- Налимов В.В. Теория смыслов. Конструктивистские аспекты математической модели сознания // Вопросы философии. – 1997. – №10. – С. 58-70.
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка: о соотношении естественных и искусственных языков. / В. В. Налимов. – Томск-М. : Водолей Publishers, 2003. – 368 с.
- Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям – СПб.:РХГА, 2006. –1000 с.
- Свирский Я. И. Самоорганизация смысла: (опыт синергетической онтологии) / Яков Иосифович Свирский. – М.: ИФ РАН, 2001. – 181 с.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека /Пер. с фр. Н.А.Садовского. – Новосибирск : Наука, 1987. – 240 с.
- Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака. Очерки по лингвоэстетике и семиотике искусства. – М. : Языки славянских культур, 2014. – 640 с.
- Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-логос. – М.: Прогресс, 1991. Вып. 1. С. 284-315.
- Юдин Б.Г. Многомерный образ человека. На пути к созданию единой науки о человеке: Юдин Б.Г. – Москва, Прогресс-Традиция, 2007 г.- 368 с.
-

ІНТЕРНЕТ-РЕСУРСИ

<http://lib.onu.edu.ua/> - бібліотека ОНУ ім. І.І.Мечникова
<http://www.onu.edu.ua/ru/index.html> - сайт ОНУ ім.І.І.Мечникова
<http://www.ognb.odessa.ua/> - бібліотека ім. М. Горького
<http://www.nbu.gov.ua/> - бібліотека ім. В.Вернадського
<http://lib-gw.univ.kiev.ua/> - бібліотека ім. Максимовича КНУ ім. Т.Шевченка
<http://www.filosof.com.ua/> - Інститут філософії ім. Г.Сковороди

<http://www.koob.ru/philosophy/> -Електронная библиотека “Куб”
<http://www.e-puzzle.ru/> - электронная библиотека “Пазлы”
<http://www.lib.ru/FILOSOF/> Библиотека М. Мошкова
<http://ihtik.lib.ru/> Философская электронная полнотекстовая библиотека от Ихтика
[http://imwerden.de/cat/modules.php?name ... ate&cid=27](http://imwerden.de/cat/modules.php?name...ate&cid=27) лит-ра по философии.
<http://www.litportal.ru/index.html?r=208> философия на литпортале
<http://psylib.kiev.ua/> -псих.библ-ка Киевского фонда сод. развитию псих. культуры
<http://www.magister.msk.ru/library/philos/philos.htm> философия
http://abuss.narod.ru/Biblio/philos_zip.htm архив философии
<http://filosof.historic.ru/books.shtml> лит-ра по философии
<http://philosophy.ru/> философский портал
<http://elenakosilova.narod.ru/uhref.html> Библиотека Елены Косиловой
<http://sovphil.narod.ru/catalog.html> библиотека
<http://grachev62.narod.ru/> библиотека М.Грачева
<http://philosophy.allru.net/> Золотая философия
<http://filosof.historic.ru/> Библиотека по философии.
http://lib.pomorsu.ru/elib/text/phil_tr.htm библиотека философии
<http://www.ladoshki.com/?books&group=29> лит-ра по философии
http://lib.rus.ec/g/sci_philosophy Либрусек

ДОДАТОК

1. **Богатая Л.Н.** Выявление *терминологических гнезд* как один из методов современной гуманитаристики // Науковий вісник Чернівецького університету : Збірник наукових праць. Випуск 754-755. Філософія. – Чернівці : Чернівецький нау. Ун-т, 2015. – 287 с. (Фрагмент тексту).

Терминологические гнезда: способы выявления и особенности конструкции ***Краткий экскурс в гуманитарную историю метафоры «гнездо»***

Выражение *терминологические гнезда* не является принципиально новым для современного гуманитарного знания. Сама метафор *гнезда* имеет определенную историю существования. Еще в двадцатых годах прошлого века в работе русского филолога и текстолога Н.К.Пиксанова было использовано выражение «культурное гнездо». Как отмечает современная исследовательница Ю.А.Елисеева, изучающая судьбу этого интересного выражения, оно возникло в результате попыток избегания своеобразных «централистских тенденций», в соответствии с которым традиционными центрами новой литературы считались столицы. Метафорой «культурные гнезда» обозначались культурные группы, возникающие в российской провинции (к примеру, кружок «Абрамцево»). Елисеева отмечает, что к признакам «культурного гнезда» Пиксанов относил: « (1) «определенный круг деятелей», (2) «постоянную деятельность» и (3) «выдвижение питомцев»» [6]. Среди ряда точек зрения последующих исследователей культурных гнезд, анализируемых в обзорной статье Ю.А.Елисеевой, интересными кажутся следующие:

- «культурные гнезда» – это конструктивное воплощение феномена срединности, обусловленного синтезом местного и привнесенного;
- под «культурным гнездом» целесообразно понимать совокупность событий, имен, явлений, тенденций, связанных общим пространством-временем;
- культурные гнезда выступают в роли своеобразных питомников, развивающих культурную традицию.

Если попытаться обобщить отмеченное, то получается следующий результат:

культурное гнездо является определенной пространственно-временной сборкой, возникающей на культурной периферии и осуществляющий своеобразный синтез местного и привнесенного; культурное гнездо проявляется совокупностью имен, событий, явлений, связанных общим пространством-временем. Культурные гнезда способствуют развитию культурных традиций.

При этом, как отмечает Ю.А.Елисеева, в ходе достаточно многочисленных обращений исследователей к выражению «культурное гнездо», его превращения в продуктивный методологический инструмент так и не произошло.

Интересные размышления о метафоре гнезда осуществляются также Ю.В.Серебряковой в работе “Подвижная терминологическая карта философских понятий: место сочетания смыслов. Размышления о призвании” [12]. Автор предлагает интересное в практическом плане замечание о том, что любое ключевое понятие, по мере своего развития в концепт, формирует вокруг себя некоторое смысловое гнездо. Исследование подобных гнезд важно для анализа динамики развития понятий и концептов в результате их взаимодействия с различными смысловыми гнездами.

Еще одним интересным примером использования гнездового принципа уже в текстологии является диссертация Т.Н.Василенко “Гнездовой принцип систематизации текстов : на материале оригинального художественного текста и его переводов”[3]. На первый взгляд, отмеченная работа имеет значение исключительно для практики переводческой деятельности. С точки зрения автора, оригинальный текст представляет собой некоторое *ядро*, вокруг которого формируются тексты–переводы, создавая при этом

своеобразную текстовую совокупность, *текстовое гнездо*. Видится, что актуализируемые в ходе отмеченного исследования темы, имеют значительно более широкое общегуманитарное значение. Так, в частности, размышляя о структурировании и функционировании гнезд родственных текстов, автор затрагивает тему деривационных процессов, связываемых со *свертыванием* и *развертыванием* понятийных ветвей. В ходе соответствующих процессов происходит создание новых языковых единиц. А эта тема уже совершенно очевидным образом отсылает к современным практикам дискурса-анализа.

Даже незначительный обзор примеров использования метафоры *гнезда* в современных гуманитарных исследованиях свидетельствует о том, что эта метафора имеет существенный гносеологический потенциал.

Постмодерн и его терминологическое гнездо (на основании разработок И.Хассана)

Как уже было отмечено, американский литературовед, критик И.Хассан, в попытках прояснения природы *постмодерна* поставил себе задачу выявления *терминологического гнезда*, в контексте которого развивается это широко распространенное и весьма неопределенное, *спутанное* понятие. Впервые автор прибегнул к реализации отмеченной задачи в эссе «ПОСТмодернизм: паракритическая библиография» (1971), которое позже было включено в сборник «Паракритицизм: Семь спекуляций временем». Соответствующая работа была продолжена в целом ряде других текстах. Интересно то, что отмеченное терминологическое гнездо не было прояснено самим автором окончательно, оно оказалось скрытым за россыпью терминов, тем, упоминаний, предстало вплетенным в достаточно сложный культурный контекст и непосредственно выявление анонсированного гнезда потребовало специальной работы, которая и была проведена А.Бобковой.

Чтобы гнездо было похоже на своей естественный «природный» прототип было предложено представить его как переплетение множества ветвей, каждая из которой формируется вокруг того или иного ключевого понятия.

В результате при исследовании терминологического гнезда *постмодерна* были выявлены следующие ключевые для анализа ветви:

модерн: урбанизм, технологизм, дегуманизацию, экспериментаторство;

постмодерн: плюрализм, открытость, двусмысленность, стремление к расчленению, эклектизм;

человек постмодерна: самоопределение (самоидентификация), жажда самономинации, историческая и эпистемная саморефлексивность, интеллектуальное великодушие, самопредчувствие, самоотражение, кризис культурной и персональной идентичности, самокритика, самопревосходство;

наука: эпистематический или ноэтический плюрализм, промежуточность;

общество: тяготение к открытым, либеральным обществам, компромиссность, взаимодействие, потребительство, массовые миграции, всплески национализма;

технологии: технологическая имманентность, технологический проект, дематериализация, растворение, текстуальность, сети.

Рациональность: антиформализм, двусмысленность, энтропия смысла;

эволюция: непохожесть, трайбализм (формирование власти на основе родоплеменных связей), разделения;

глобализм: геополитическая схема, глокальность, управляемость СМИ, интерактивность, глобальная деревня;

культура: культурный индетерминизм, фрагментарность, релятивизм, ироничность, пародийность, антиидеологичность, эклектизм, прагматизм;

время: полихронное восприятие времени (полихронизм), нелинейность.

Даже самое поверхностное рассмотрение зафиксированного представленным образом терминологического гнезда обнаруживает определенные преимущества для

исследователя. Так, к примеру, ключевые термины, формирующие ветви, задают наиболее очевидные темы для анализа. Терминологические цепочки, составляющие ветви, актуализируют ракурсные акценты развития тех или иных тематических мотивов. Главное преимущество терминологических гнезд видится в том, что они являются своеобразными *информационными компактами*, позволяющими сжимать информацию для ее более эффективного усвоения и обработки. Подобное сжатие можно назвать *терминологической компактификацией*.

Выявление терминологических гнезд как один из вариантов дискурс-анализа

Обращение к терминологическим гнездам как к методологическому инструменту оказывается актуальным в ситуациях исследования сложных, динамично развивающихся гуманитарных дискурсов. С помощью методики выявления терминологических гнезд появляется возможность «вскрывать» дисциплинарные коконы, объединять их в более широкие исследовательские полотна, способствующее обнаружению гуманитарной саморефлексии. Детальный анализ ветвей терминологических гнезд позволяет исследовать тонкие деривационные процессы, рассматривая сами ветви как некие микротерминологические образования, своеобразные дискурс-таксоны. В результате выявления терминологических гнезд появляется основание для существенного упрощения сложных гуманитарных информационных массивов, их соотнесения с уже сложившимися исследовательскими направлениями, обнаруживаются новые тематические линии.

Изучение методологических возможностей терминологических гнезд вписывается в современный исследовательский тренд, связанный с *осмыслением простоты*, поиском возможностей упрощения (без потери принципиальных смыслов) (см., к примеру, работы Л.П.Киященко [8], Л.Н.Богатой [2]). Подобное направление видится весьма перспективным в связи с увеличивающимися объемами информационных контентов, требующими освоения.

Терминологические гнезда, зафиксированные отмеченным образом, обнаруживают доминирование *тематизации* над проблематизацией. Однако можно легко предположить возможность организации терминологического гнезда и по другому принципу, который условно можно назвать «*узелковым*» или *проблемным*. Такие гнезда организованы вокруг терминов, именующих ту или иную проблему, связанную с исследуемым предметом. Термины, концентрирующиеся вокруг узелков, показывают способ проблемной актуализации.

На первый взгляд, терминологические гнезда могут напомнить варианты вербальной схематизации. Одна следует обратить внимание на их принципиальное отличие, придающее терминологическим гнездам дополнительный гносеологический потенциал. Термины в гнездах практически не связаны никакими причинно-следственными, иерархическими связями. Актуализированные терминологические совокупности можно назвать *доиерархическими* или *протоиерархическими*. И, как результат, на основе выявленных гнезд возможно выстраивать совершенно различные варианты исследований, формирующихся на базе разных терминологических иерархий.

Терминологические гнезда снимают проблему отсутствия «единого концепта, вокруг которого гуманитаристика могла бы «собрать и осознать себя» [5, с.12]. Подобная проблема сформулирована под влиянием уже устаревшей установки, связанной с представлениями о существовании единой, жесткой иерархии. В терминологических гнездах одновременно обнаруживает себя целый ряд важнейших концептов, предопределяющих становление и развитие того или иного исследовательского континуума.

И, наконец, если соотнести представления о терминологических гнездах с представлениями о дисциплинарных матрицах, то обнаруживается следующее. Дисциплинарные матрицы, если следовать Т.Куну, включают в себя: 1) символические обобщения; 2) метафизические основания; 3) ценности (в куновском смысле этого слова); 4) признанные примеры решения наиболее актуальных задач [9, с. 233-241]. На первый взгляд, подобные матричные образования не содержат никаких гнезд, но, если приглядеться

внимательно, к примеру, к уже выявленному терминологическому гнезду, проясняющему явление постмодерна, то возникают следующие соображения.

Разве сами слова *модерн, постмодерн, плюральность* не стали своеобразными **символами**, задающими характер осмысления различных гуманитарных процессов? Своеобразным **метафизическим основанием** видится *дегуманизация* сопровождаемая *самопредчувствием, самоопределением, самопревосхождением*. Дегуманизация дополняется *дематериализацией*. Несомненными ценностями (в более широком, нежели у Т.Куна смысле) предстают – *антиидеологичность, прагматизм, антиформализм, интеллектуальное великодушие, взаимодействие,..* И, наконец, в качестве образцов решения различных сложных задач выступают *нелинейность, сетевые подходы, полихронизм,..*

Из приведенного примера можно заключить, что терминологические гнезда не следует отождествлять с гуманитарными дисциплинарными матрицами, но именно благодаря выявлению терминологических гнезд появляется возможность прояснения этих матриц.

Подводя итог изложенному выше, можно заключить следующее.

1. Последовательное различение понятий *гуманитарное знание, гуманитарные науки, гуманитарные дисциплины, гуманитаристика* позволяют определить последнюю как своеобразную антитезу гуманитарной разделенности, интеллектуальному изоляционизму. Гуманитаристика возникает в результате конвергентных тенденций, обнаруживающихся в эпоху глобализации.

Гуманитаристика предстает как своеобразная *гуманитарная, интеллектуальная междисциплинарность*, формируемая учеными, философами, журналистами, популяризаторами науки, политологами, всевозможными аналитиками,... Главные характеристики гуманитаристики – смешанность, неизбежная пограничность, стремление к преодолению дисциплинарных стереотипов. С новым пониманием гуманитаристики во многом следует связывать интеллектуальную революцию, переживаемую современным человечеством.

2. Обнаруживающийся кризис гуманитарных наук в определенной мере предопределен методологическими проблемами. Эти проблемы, в свою очередь, обусловлены актуализацией гуманитаристики с ее принципиальной междисциплинарностью, требующей разработки существенно нового методологического инструментария для эффективного изучения *гуманитарной сложности*, представленной непрерывно изменяющимся гуманитарным контентом.

3. Метод *выявления терминологических гнезд* может рассматриваться в качестве нового методологического инструмента современной гуманитаристики. Этот метод применим для изучения сложных гуманитарных дискурсов и направлен на обнаружение и определенное упорядочивание ключевых терминов, с помощью которых формируется тот или иной дискурс. Терминологические гнезда состоят из ряда терминологических ветвей («терминологических таксонов»). Каждая ветвь формируется термином, задающим ракурс обозрения дискурса.

4. Терминологические гнезда, благодаря их способности максимально компактифицировать информацию, могут быть весьма эффективны в ходе выявления и исследования гуманитарных дисциплинарных матриц.

Список использованной литературы

1. Афанасьев А.И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: моногр. / А.И.Афанасьев. – О.: Бахва, 2013. – 288 с.
2. Богатая Л.Н. Проблематизация темы мышления // Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – 444 с. – С.163-195.
3. Василенко Т. Н. Гнездовой принцип систематизации текстов : на материале оригинального художественного текста и его переводов. Автореферат диссертации [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/292674.html>
4. Ведмедєв М.М. Культурні ресурси продуктивного мислення : монографія / М.М. □едмедів. – Суми : Університетська книга, 2011. – 216 с.
5. Демидова О.Р. Гуманитаристика, гуманитарное знание, гуманитарные науки / О.Р.Демидова // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2009. – №11. – С. 7-12.

6. Елисеева Ю.А. Феномен «культурного гнезда» в социогуманитарном дискурсе // *Философия культуры*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/20_DNII_2012/Philosophia/4_113726.doc.htmhttp://www.rusnauka.com/20_DNII_2012/Philosophia/4_113726.doc.htm
7. Жижек С. Устройство разрыва. Паралаксное видение. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 516 с.
8. Киященко Л.П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различия) // *Философия науки*. Вып. 18: *Философия науки в мире сложности* // Отв. Ред.: В.И. Аршинов, Я.И. Свирский. М.: ИФ РАН, 2013. – С.278-292.
9. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; [пер. с англ., сост. В.Ю. Кузнецов]. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
10. Олейников, А.А. Кризис гуманитарного знания: кто, как и почему его сегодня диагностирует / А.А.Олейников. – М.: Издательство РГГУ, 2013. – 358 с.
11. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар. – М. ; 1928. – С. 6.
12. Серебрякова Ю. В. Подвижная терминологическая карта философских понятий: место сочетания смыслов. Размышления о призвании/ Ю.В. Серебрякова // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. – №4. – Ижевск: Издательство “АНАЛИТИКА РОДИС”, 2012. – С.6-17.
13. Якунин В. И. Новая гуманитаристика как производительная сила общества / В.И. Якунин // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2012. №3. – С. 70-79.
14. Hassan I. From Postmodernism to Postmodernity: the Local /Global Context. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ihabhassan.com/postmodernism_to_postmodernity.htm.
15. Hassan I. Paracriticisms: Seven Speculations of the Times, Urbana, University of Illinois Press, 1975 Hassan I. POSTmodernISM: a Paracritical Bibliography // *New Literary History*, Autumn 1971, pp. 5-30.

2. Богатая Л.Н. Выявление *терминологических гнезд* как один из методов современной гуманитаристики // *Науковий вісник Чернівецького університету : Збірник наукових праць*. Випуск 754-755. Філософія. – Чернівці : Чернівецький нау. Ун-т, 2015. – 287. (Фрагмент тексту).

Одна из наиболее распространенных тем в современной гуманитаристике связана с обсуждением кризисных явлений, наблюдаемых в области гуманитарного знания. По этому поводу написано много текстов, текстов о текстах (см., к примеру, обзорную работу [10]). Не вдаваясь в детальный анализ возникающих в ходе этих осмыслений тематических и проблемных полей, можно присоединиться к тем авторам, которые полагают, что одна из наиболее существенных проблем гуманитаристики связана с явным недостатком методологического инструментария, позволяющего своевременно и продуктивно обрабатывать быстро разрастающиеся массивы гуманитарной информации. Отсутствие подобного инструментария и усиливает ощущения кризисности.

Необходимость эффективных методов особенно остро обнаруживается в процессе исследования многочисленных гуманитарных дискурсов, переполненных разнообразными терминами, часто представляющими совершенно различные дисциплинарные зоны. Отмеченное вызывает ощущения эклектичности, неуправляемого хаоса.

В статье предлагается к рассмотрению методологический конструкт, именуемый *«терминологическое гнездо»*. В настоящее время в русскоязычной литературе обнаруживаются обращения к этому терминологическому выражению, в первую очередь, в работах лингвистов, лексикографов (см., к примеру, работы [3],[12]). К рассмотрению терминологических гнезд прибегают и зарубежные исследователи. К примеру, известный американский литературовед, критик, признанный в мире специалист по исследованию явлений постмодерна Ихаб Хассан использовал подобный конструкт в процессе поиска ответа на вопрос «Что есть постмодерн?» [14], [15]. При этом Хассан вовсе не обсуждал методологических возможностей используемого выражения¹. Однако можно

¹ Впервые методологические возможности «терминологических гнезд» обсуждались в магистерском исследовании студентки философского факультета ОНУ имени И.И.Мечникова – Н. Бобковой. Работа осуществлялась под руководством автора данной публикации.

предположить, что *терминологические гнезда* являют собой весьма эффективный методологический инструмент для изучения сложных гуманитарных дискурсов. Тем самым формирование соответствующих представлений призвано способствовать развитию гуманитарной методологии.

Прежде чем приступить к исследованию методологического потенциала *терминологических гнезд*, важно прояснить важный общеметодологический момент.

Проблема гуманитарно-научного знания: методологический ракурс

С момента разделения наук на гуманитарные и естественные совершенно очевидно возник вопрос об особой методологии *наук о духе*. Соответствующую историю принято начинать с эпохальных работ В. Дильтея, его размышлений об особенностях методологии *наук о духе*. С момента выхода дильтеевских книг прошло уже более ста лет, однако сложно говорить о существовании значительного прорыва в области методологии гуманитарных исследований, при этом важно подчеркнуть, что речь идет не о методологии отдельных гуманитарных дисциплин, которые, несомненно, за прошедшие сто лет существенно продвинулись в освоении своих методологических начал. Речь идет, если допустимо так выразиться, о методологии *общегуманитарного* знания. При этом естественно возникает вопрос: что означает термин «общегуманитарное знание»?

В современном лексиконе прочно закрепились близкие по смыслу термины: *гуманитарные науки, гуманитарные дисциплины, гуманитарное знание, гуманитаристика*. К сожалению, различия приведенных выражений часто не проводятся достаточно четко. Попытка обнаружения и фиксации внимания на этой проблеме представлена в статье российской исследовательницы О.Р.Демидовой: «Гуманитаристика, гуманитарное знание. Гуманитарные науки» [5]. Автор верно подмечает обнаруживающееся в последнее время смешение смыслов отмеченных понятий и в самом общем виде *гуманитарные науки* определяет как «одновременно инструмент и пространство авторефлексии социума как феномена антропологического, та ось, вокруг которой социум собирает себя и без которой само его существование вряд ли возможно» [5, с.9]. Отмеченное, едва ли, необходимо оспаривать. Спорным кажется следующий момент. Автор смешивает термины *наука, дисциплина, знание*: «области гуманитарных наук (дисциплин) традиционно принято относить дисциплины из областей философии, филологии, истории, понимаемых в самом широком смысле слова. Очевидно, однако, что область гуманитарного знания значительно шире и включает в себя антропологию, социологию, этнографию, политологию, с одной стороны, и область медицинских, правовых (юридических) и пр.» [5, с.10]. Проведенное цитируемым автором отождествление *науки* и *дисциплины* кажется достаточно привычным, прижившимся в языке, хотя, на наш взгляд, необходимы более четкие различия указанных объектов, которые, к примеру, представлены в работах современного украинского философа А.И.Афанасьева [1]. Что же касается рассмотрения *гуманитарного знания* как более широкого понятия, нежели *гуманитарные науки*, то эта точка зрения видится уже весьма спорной. Действительно, если придерживаться позиции того, что *знание* есть *ресурс* (см., к примеру, по этому поводу монографию М.М.Медведева []), то между *гуманитарным знанием* и *гуманитарными науками* возникает уже существенное различие. Науки, в процессе своего существования порождают *знание*, которое становится ресурсом для последующих научных разработок. Однако в данном тексте не ставится задача обсуждения подобной точки зрения. Предлагается лишь обратить внимание на возможность существования новых смыслов у термина *гуманитаристика*. Понятно, что этот термин следует отличать и от *гуманитарного знания*, и от выражения *гуманитарные науки*.

Определение *гуманитаристики*, представленное О.Р.Демидовой, кажется абстрактно-поэтическим: «гуманитаристика, имеющая объектом практику самоопределения, предстает как некое деятельностное пространство субъективности. В других терминах, гуманитаристика есть условие возможности поиска ответа на вопрос «Кто есть я?»» [5, с.10]. Если из множества использованных автором слов попытаться выявить некий содержательный концентрат, то

получается следующее: *гуманитаристика – деятельностьное пространство субъективности*. Но что означает в данном случае метафора *деятельностного пространства* (следует, между прочим, заметить, что и гуманитарное знание предстает у О.Р.Демидовой как **«пространство»** (выделение мое – Л.Б.) и совокупный результат его авторефлексии» [5, с.10]? Что дает обращение к метафоре *пространства* в методологическом плане? Некоторым прояснением являются последующие уточнения термина гуманитаристика, даваемые цитируемым автором: гуманитаристика «возможна исключительно как нечто субъектоцентричное, «обустройствающее» себя на основаниях диалогичности, системности и обязательности/возможности этико-герменевтического «толкования вглубь» [5, с.11]. Необходимо заметить, что в анализируемом тексте *системность* и *диалогичность* гуманитаристики подчеркиваются неоднократно. Таким образом, если следовать за мыслью О.Р.Демидовой, гуманитаристике присущи *субъектноцентричность, системность, диалогичность, пространственность*.... К сожалению, даже продумывание в совокупности выявленной терминологической связки не стимулирует углубления понимания природы исследуемого феномена. И именно поэтому возникает необходимость *сдвинуть* ракурс рассмотрения.

Перспективным кажется рассмотрение *гуманитаристики* сквозь призму *междисциплинарности*. Понятие междисциплинарности возникло применительно к естественным наукам, стремившимся выйти за пределы жестких цеховых предписаний. Пионерские в свое время попытки Н.Бора, Э.Шредингера преодолеть в своих размышлениях границы физики сейчас стали достаточно распространенной практикой. Любая научно-популярная литература или общекультурная рефлексия важнейших научных практик (к ряду таких опытов можно отнести, к примеру, многие тексты И.Р.Пригожина) уже не являются строго научными текстами, это, скорее, общедоступное *гуманитарное знание, гуманитаристика*. В подобных практиках многие специальные научные термины претерпевают существенные метаморфозы в результате столкновения с возможностями и реалиями естественных языков. Возникающие метаморфозы иногда видятся как «огрубления», «профанирование» чистого знания. Однако, едва ли, подобная точка зрения является верной. Скорее всего, естественный язык осуществляет очень важную корректировку смыслов: закрепление тех из них, которые необходимы и отфильтровывание ненужного, ложного, преждевременного. По этой причине, толкуемая в указанном смысле *гуманитаристика*, становится очень важным объектом для исследовательского внимания.

Конечно же, широчайшее поле гуманитаристики никак не ограничивается научно-популярными текстами, эссе знаменитых ученых.

К примеру, А.И.Афанасьев определяет *гуманитаристику* чрезвычайно широко. Размышляя над его гипотезой о существовании трех сфер гуманитаристики, возникает ощущение, что гуманитаристикой является *все* за исключением строго научного знания. Возможно, отмеченная гипотеза и засуживает поддержки, но – с некоторыми уточнениями.

Главное, видится, состоит в том, что *гуманитаристика* это своеобразная антитеза дисциплинарной разделенности, интеллектуальному изоляционизму. Напротив, в гуманитаристике отражено стремление к связыванию различных дискурсов, связывания научного и повседневного. Возникновение гуманитаристики это результат конвергентных тенденций, усиливающихся в период глобализации. Возможно, одна из причин кризиса гуманитарных наук и состоит в том, что пока еще слабо осознается это обнаруживающееся гуманитарное единение.

К сожалению, методология гуманитарных наук едва ли будет эффективна при исследованиях гуманитаристики. Необходима разработка новых методов, некоторые из которых, как, опять же, можно предположить, вызревали в недрах постструктуралистской традиции. Широко распространенное атакующее неприятие по отношению к постмодернизму вызвано, в первую очередь, принципиальным непониманием того, что именно им актуализируется. Продукт постструктуралистской (постмодернистской) рефлексии, чаще всего, не может быть отнесен ни к естественным наукам, ни к наукам гуманитарным. В качестве

примера можно обратить внимание на второй том «Капитализма и шизофрении» («Тысяча плато»), написанный Ж.Делезом в соавторстве с Ф.Гваттари. Стиль, предложенный в этой книге, вскоре был подхвачен и другими интеллектуалами (см., к примеру, работу С.Жижека [7]). Особенность этих стилевых проявлений заключается в том, что авторы в своих размышлениях не сдерживают себя никакими дисциплинарными границами: минерология, философия, география, этнография,... Фактически, этот же прием завораживал и слушателей знаменитых семинаров Ж.Лакана или читателей текстов Ж.Деррида, или внимательных исследователей интеллектуальных поисков Ж.Делеза. На первый взгляд, складывалось впечатление, что авторы просто демонстрируют широчайшую культурную эрудицию, но при более пристальном взгляде обнаруживается, что дисциплинарная плюральность в отмеченных случаях оказывается принципиальной, подчеркивающей смещение из зоны чисто научного знания (гуманитарного или естественного) в область, которую можно назвать *гуманитаристикой*.

Гуманитаристика предстает дисциплиной, в которой традиционные методы *естественных* и *гуманитарных* наук (при этом имеются в виду «развитые» гуманитарные науки, имеющие свой собственный методологический инструментарий) становятся применимыми лишь «с оговорками» в связи с существенно иной природой соответствующего дискурса. Гуманитаристику можно рассматривать как своеобразную *гуманитарную, общенаучную междисциплинарность*, некую общую среду, формируемую в результате деятельности представителей совершенно различных интеллектуальных профессий: журналистов, политологов, философов физиков, психологов... Главные характеристики гуманитаристики – смешанность, неизбывная пограничность, стремление к сбрасыванию дисциплинарных стереотипов.

Из отмеченного понятно, что первые методологические наработки в сфере гуманитаристики следует искать в недрах постструктуралистских практик.

В этой связи, в первую очередь, следует обратить внимание на исследования дискурсов, техники дискурс-анализа. Кроме этого, как уже было заявлено выше, эффективным видится процедура выделения *терминологических гнезд*. Не случайно именно она была использована Хасаном в ходе изучения самого постмодерна.

В попытках поисков новых интерпретаций термина гуманитаристика была обнаружена интересная, но весьма спорная статья российского исследователя В.И.Якунина [13]. Не совсем соглашаясь с общей интенцией автора, можно, тем не менее, присоединиться к одному из его выводов: «новая гуманитаристика должна выйти из состояния описательного, интерпретирующего действительность, и превратиться в активную производительную силу общества» [13, с.79]. Метафора «производительной силы общества» кажется, в определенной мере, устаревшей. Видится, что новое понимание гуманитаристики стимулирует, в определенной мере, интеллектуальную революцию, во времена которой, по мнению некоторых исследователей, вступает современное человечество.

Список использованной литературы

1. Афанасьев А.И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: моногр. / А.И.Афанасьев. – О.: Бахва, 2013. – 288 с.
2. Богатая Л.Н. Проблематизация темы мышления // Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – 444 с. – С.163-195.
3. Василенко Т. Н. Гнездовой принцип систематизации текстов : на материале оригинального художественного текста и его переводов. Автореферат диссертации [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.lib.ua-tu.net/diss/cont/292674.html>
4. Ведмедев М.М. Культурні ресурси продуктивного мислення : монографія / М.М. Ведмедев. – Суми : Університетська книга, 2011. – 216 с.
5. Демидова О.Р. Гуманитаристика, гуманитарное знание, гуманитарные науки / О.Р.Демидова // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2009. – №11. – С. 7-12.
6. Елисеева Ю.А. Феномен «культурного гнезда» в социогуманитарном дискурсе // Философия культуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

7. Жижек С. Устройство разрыва. Паралаксное видение. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 516 с.
8. Киященко Л.П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) // *Философия науки*. Вып. 18: Философия науки в мире сложности // Отв. ред.: В.И. Аршинов, Я.И. Свирский. М.: ИФ РАН, 2013. – С.278-292.
9. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; [пер. с англ., сост. В.Ю. Кузнецов]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
10. Олейников, А.А. Кризис гуманитарного знания: кто, как и почему его сегодня диагностирует / А.А.Олейников. – М.: Издательство РГГУ, 2013. – 358 с.
11. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар. – М.; 1928. – С. 6.
12. Серебрякова Ю. В. Подвижная терминологическая карта философских понятий: место сочетания смыслов. Размышления о призвании / Ю.В. Серебрякова // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. – №4. – Ижевск: Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС», 2012. – С.6-17.
13. Якунин В. И. Новая гуманитаристика как производительная сила общества / В.И. Якунин // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2012. №3. – С. 70-79.
14. Hassan I. From Postmodernism to Postmodernity: the Local /Global Context. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ihabhassan.com/postmodernism_to_postmodernity.htm.
15. Hassan I. Paracriticisms: Seven Speculations of the Times, Urbana, University of Illinois Press, 1975 Hassan I. POSTmodernISM: a Paracritical Bibliography // *New Literary History*, Autumn 1971, pp. 5-30.

3. Богатая Л.Н. Слово и его ипостаси.

Первые размышления о различных *вариантах, планах, способах* существования СЛОВА возникли у автора этой статьи в процессе работы над монографией, которая впоследствии получила название «На пути к многомерному мышлению» [1]. Первоначально формировалось четкое понимание различия функционирования *слова* как *понятия* и как *концепта*. Параллельно шло продумывание того, как существует *слово-имя, слово-символ* или *слово-термин*. Во всех своих проявлениях СЛОВО обнаруживало специфическую *мерность* или – *ипостась*.

В результате последующего анализа становилось понятно, что ипостаси слова различны с точки зрения особенностей их функционирования и понимание этих особенностей может быть эффективно использовано в самых разнообразных гуманитарных практиках. На основе представлений об ипостасях слова был разработан метод многомерного терминологического анализа (метод МТ-анализа), который может быть применен для изучения сложных гуманитарных объектов (сложных дискурсов, понимаемых как открытое множество текстов совершенно различной природы, связанных схожим предметом анализа). Подобные дискурсы и представляют собой примеры проявления сложности в гуманитаристике (по поводу различия значения омонимов дискурс и дискурс см., к примеру, статью [7]).²

Главная цель данного текста состоит в подробном прояснении каждой из ипостасей слова и выявлении особенностей их функционирования.

Если говорить об истоках и традициях, инициировавших развитие представлений об ипостасях слова, то это, в первую очередь, *русская философия языка*, проявившаяся в творчестве Г.Сковороды, П.Флоренского, А.Ф.Лосева, в их размышлениях о *слове, имени*,

² Более подробно соответствующие представления изложены в целом ряде статей, которые в настоящее время готовятся к изданию: «Гуманитарная сложность в контексте ближайших категориальных понятий», «Многомерный терминологический анализ: развитие методологии современной гуманитаристики», «Выявление *терминологических гнезд* как один из методов современной гуманитаристики».

термине, символе. Эту золотоносную жилу русской философии языка продолжали и другие исследователи: А.А.Потебня, Г.Г.Шпет, А.Белый...

В русской философии обращение со СЛОВОМ было *особым* и причина того кроется в тесном переплетении этой философии с православной религиозной практикой, которая, в свою очередь, глубочайшим образом сопричастна византийской патристике. Филигранная работа с каждой буквой, с каждым словом, не *лексическое*, а *онтологическое* высвечивание его морфем, лексем, привело к созданию «*философии имени*» (А.Ф.Лосев очень тонко прочувствовал это, подыскивая название для своей ранней работы). Слово оказалось объектом не *логического* анализа, а анализа *онтологического*, рассматривавшего его во всех обнаруживающихся бытийных ипостасях.

Обращение к термину *ипостась*, конечно же, не является случайным. Это слово, опять же, благодаря духовным усилиям основателей и последователей византийской патристики получило сложнейшие семематические, ноэтические, фонетические напластования. Древне греческое *ὑπόστασις*, означающее *суть, сущность, основание*, использовалось отцами Церкви для именования одного из трёх Лиц Троиственного Бога: Отца и Сына и Святого Духа. Термин *ипостась* никак не может быть заменен на суто философские более поздние латинские слова, к примеру – *modus* (мера, способ, образ, вид) или *attributio* – (приписывание признака). Главная причина отмеченной невозможности заключена в том, что СЛОВО – это не *предмет* или *явление*, а это *то первоначальное*, чем и проявляется сама ЖИЗНЬ. В русской философской традиции слово никак не могло стать предметом исключительно *логического* анализа, ибо СЛОВО– это святейший тайник, сокрывающий ключ к пониманию МИРА. Поэтому настойчиво и выстраивались (*вытолковывались*) размышления об *имени, символе, термине*, чуть позже появились первые попытки различения *понятия* и *концепта*. Все перечисленные именованья и можно определить как *ипостаси* СЛОВА, каждая из которых приоткрывает один из его ликом, которые, опять же, не модусы или атрибуты, а именно *лики*. Лик *символа* – уникален и отличен от лика *понятия* или *концепта*. Эти «*личные мерцания*» важно ухватить и постичь, а в этом постижении попытаться понять. Ни одна из ипостасей СЛОВА не является самодостаточной, но каждая фиксирует совершенно особое его *измерение, «место-пребывание»*. Проявляясь *ипостасями*, СЛОВО предстает *многомерным* и, одновременно, *полным*. Поэтому в самом общем виде вводимое словосочетание *многомерный терминологический анализ* (МТ-анализ) можно определить следующим образом – это развитие традиции русской философии языка, в которой различаются и исследуются ипостаси СЛОВА (*имя, символ, термин, понятие, концепт*). Каждая из ипостасей рассматривается как особое измерение, в котором обнаруживаются законы ее проявления. Выделение ипостасей слова всегда является условным, ибо ипостаси непрерывно «мерцают», переходя одна в другую, находясь в непрерывном сопричастии и взаимодополнении.

Элементарное представление ипостасей слова

Как уже было отмечено, в настоящее время можно говорить о проявлении пяти мерностных развертываний слова (его *ипостасях*). Более подробно размышления о разных способах существования слова были представлены в монографиях [1], [4] и статьях [2], [3], [5].

Прежде чем преступить к краткому представлению этих ипостасей, важно сделать следующее замечание. Размышлениям о многомерности слова следует предпослать продумывание мысли по поводу его *организмичности*.

Слово подобно живому организму. Об этом много писали и П.Флоренский, и А. Лосев. По мере «роста» слова происходит его усложнение, оно становится организмом, «способным осеменять другие души». П.Флоренский пишет: «В Священном Писании аналогия слова и семени - одна из самых настойчивых, равно и во всей мировой, более или менее глубокой человеческой мысли» [11, с. 325]. Флоренский не только ограничивается метафорой *роста слова*, но и пытается последовательно проследить, как

осуществляется этот процесс: «Слово в другой личности, как только попало в нее и было принято ею, т.е. получило себе женское дополнение, делится на подлежащее и сказуемое, образуя предложение; в этом последнем, как подлежащее, так и сказуемое, в свой черед, также раздвоятся, образуя новые предложения, и процесс дробления идет все далее и далее, амплифицируя слово, выявляя и воплощая сокрытые в нем потенции и образуя в личности новые ткани, которые сами начнут плодоносить, лишь только достаточно разовьются, или, иначе говоря, лишь только вызреет лежащее в их основе, как их родоначальник, внедрившееся в личность слово» [11, с. 271]. В данном фрагменте еще ничего не сказано о том, как человек обнаруживает различие ипостасей слова, но очень точно подчеркивается целостный, организмический характер функционирования слова. Человек и слово – неразделимы: человек активно работает со словом, слово создает человека. Все это напоминает непрерывное ткачество единого полотна жизни.

СЛОВО как имя

Для подробных размышлений об имени как одной из ипостасей слова, в первую очередь, необходимо обратиться к двум совершенно удивительным источникам: к работе «Философия имени» А.Ф.Лосева [6], и фрагменту «Имяславие как философская предпосылка» текста П.Флоренского «У водоразделов мысли» [11]. К сожалению, формат данной публикации не позволяет осуществить значительных углублений и требует фиксации только самых общих соображений.

Когда речь идет об имени, то естественно актуализируются представления о *хаосе*. «Придание имени» (проявление имени) есть своеобразный опыт двунаправленного действия. С одной стороны – обращения к *хаосу*, открытость неупорядоченному, источнику безграничного потенциала. С другой – разворот к культуре, к тем формам, которые уже выявлены, «схвачены» в языках и давно осваиваются человечеством. Имятворчество есть своеобразная сонастройка этих двух опытов. Подобную сонастройку может осуществить только человек. Его целостное естество, активируя *азбучные валентности*, позволяет *актуализировать, вос-создать* то слово, которое способствует установлению пусть даже точечной, симультанной гармонии. Вхождение в состояние гармонии очень важно в практике имятворчества. Вновь проявленное имя выверяется, множество раз корректируется и только состояние гармонии, которое испытывает творец, позволяет завершить практику. Подобный опыт хорошо известен тем, кто пишет стихи. П. Флоренский так представляет этот процесс: «Функция имени есть связность. Имя размыкает беспорядок сознания и смыкает порядок его ... Оно есть начало членораздельности, начало расчлененности. Начало лада и строя» [11, с. 314]. Имя – есть способ расчленения и дальнейшего *членораздельного* существования *лада* (а лад и есть проявление гармонии). По Флоренскому, подобные расчленения происходят под воздействием впечатлений от окружающего мира. Извлеченное имя привносит порядок (*лад*) в хаотичное сознание. Извлечение имени (*открытие имени*) – акт чистейшего творчества (формотворчества, словотворчества), его нельзя совершить по изначально заданному алгоритму, ибо тогда это будет лишь повторение сотворенного. Имя возникает спонтанно, непредсказуемо. Имятворчество есть – *поэзис*, своеобразное *музицирование*, направленное на поиск новых вербальных связностей и, одновременно, обнаружение необходимых разрывов. Имятворчество направлено на выстраивание нового (непрерывно обновляемого) мирового единства, которое, с одной стороны, стимулируется выявляемым, с другой – предуготовливает необходимость проявления имени еще более нового. Прекращение имятворчества (*поэзиса, аутопоэзиса*) равносильно прекращению самой жизни, прекращению жизни языка и жизни самого человека (об этом очень много писал и пишет М.Эпштейн). У Флоренского есть удивительный образ «самособорования»: «Живя, мы соборujemy сами с собой – и в пространстве, и во времени, как целостный организм собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр. и пр.» [11, с. 343]. И в этом процессе соборования центральная роль отводится имени, процессам именования.

Совершенно неслучайно в последнее время все чаще стали говорить о *поэтической рациональности*, пытаясь, тем самым, придать термину *рациональность* второе дыхание. Процедуры именования и видятся одной из составляющих поэтической рациональности, которая только начинается осознанно осваиваться.

Таким образом, *имя* (*именование, придание имени, выявление формы вписываемости слова в существующий культурный континуум*) можно назвать сугото поэтической ипостасью слова.

СЛОВО как понятие

Современному человеку привычно работать со словом как с *понятием*. Причина этого в непререкаемом авторитете аристотелевой логики, авторитете, который с веками только укреплялся. В *понятии* акцент в *слове* переносится уже не на *имя*, не на процесс его творческого обнаружения, а, с одной стороны, на то множество предметов, явлений, которые уже поименованы и «схвачены» именем понятия (любое понятие имеет свое *имя*). С другой стороны, *имя* понятия указывает на отличительный признак (свойство, отношение,...) элементов того или иного множества. В ипостаси *понятия* слово уже не обращено к безымянному хаосу, а направлено на то, что уже, с одной стороны, получило *имя*, с другой – обнаруживается некая предикативность проявленного, *сказывание* о том, что уже обнаружено в мире. Нечто не просто названо, а еще и *являет* себя той или иной отличительной особенностью. Понятие можно рассматривать как своеобразную *вторичную рефлексию*. При этом первичную рефлексию естественно связывать с направленностью на *хаос* потенциально именуемого. Понятие же направлено на познание поименованного, освоение тех или иных его граней. Интересно то, что эти грани (*качества, свойства, отношения...*) могут обнаруживаться у очень многих объектов. К примеру, *красными* могут быть цветы, звезды, мячи, камни... Таким образом, если *имя* *разъединяет* некое *начальное единство*, выделяясь из него, то понятие выполняет своеобразную функцию *связывания*, формирования множества из единичных именованных проявленностей.

Заостряя внимание на *одном* признаке из множества потенциально свойственных тому или иному объекту, понятие выступает в роли очевидного инструмента абстракции. Опирируя словом как *понятием*, человек учится охватывать множества объектов, обнаруживая в них что-либо общее и именовать то, что обнаружено. Наблюдение, исследование проявленностей окружающего мира оказалось возможным именно благодаря понятиям, их уникальным познавательным возможностям.

И еще один важный момент, на который обязательно следует обратить внимание. Человек исследует окружающий мир не один, слово работает не только во внутреннем режиме, но и во внешнем. Люди обмениваются словами, принимая одни и отвергая другие. Понятия закрепляются в языке и создают своеобразный «золотой фонд» накопленных знаний. Обучаясь языку, человек осваивает существующую культурную среду. Понятия точны, это и позволяет им выступать в качестве оснований для формально – логических суждений. Любое понятие имеет строго определенное значение, разделяемое всеми субъектами языка. Однако при всей важности функционирования слова как *понятия*, все же следует понимать, что это лишь одна из возможных его ипостасей.

СЛОВО как концепт

Проявление *концепта* как особой ипостаси слова, с одной стороны, уже имеет определенную историю исследований (см., к примеру, работы С.С.Неретиной о П.Абеляре [8]), с другой – возможности для различения *понятия* и *концепта* сложились, фактически, совсем недавно, в первую очередь, в рамках русского и украинского языков.

Современный российский исследователь В. В. Фещенко отмечает, что в русской философской традиции первые употребления слова *концепт* с некой новой гносеологической нагрузкой были осуществлены Г. Г. Шпетом, у которого концепт выступает уже как философская категория. Чуть позже появилась статья А. Аскольдова

«Концепт и слово» (1927), в которой была предпринята попытка проведения самых первых различий *слова* и *концепта* [10, с.183]. Интересно заметить, что в современной русскоязычной среде слово концепт все же понимается весьма различным образом.

К примеру, *концепт*, предстает одним из конструктивных элементов параметрической общей теории систем (ПОТС), сформулированной А.И.Уемовым и активно развиваемой последователями его школы. В этой теории концепт выступает в качестве системоформирующего начала. Причем, систему можно задавать либо с *атрибутивной*, либо с *реляционной* позиций. Именно поэтому А.И.Уемов и ввел представления об атрибутивных и реляционных концептах.

Широкому распространению термина *концепт* в русском языке во многом способствовали успешные семиотические исследования Ю.С.Степанова и представителей его школы. В этой традиции концепт обретает *культурологическое измерение*. В частности, Ю.С.Степанов пишет: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (цит. по [10, с. 184]). Таким образом, в отличие от подхода А.И.Уеова, в котором концепт выступает как системообразующий элемент, определяющий ее логическую строгость, у Ю.С.Степанова концепт, с одной стороны, обрастает влияниями конкретных субъектов, с другой, по причине своей глубокой культурной включенности, формируют самого человека. Как видно, позиция известного семиотика вполне соответствует потнекклассическим мировоззренческим установкам.

Еще один подход, активно развивается, в частности, автором данного исследования ([1], [2]). Этот подход в своих истоках восходит к интуициям Ж. Делеза, П. Абеляра. В рамках этой традиции принципиальным в определении концепта становятся уже не логические или культурологические, а *суто философские* понятия – *мысль, смысл, мыслящий субъект*,.. *Концепт* тесно связывается со *смыслом*. И если у Ю.С.Степанова концепт это «сгусток культуры», то в данном подходе уместнее использовать чуть измененную метафору – «концепт это своеобразный сгусток смыслов». Или иначе: концепт – это принципиально открытое множество смыслов, которые ставятся в соответствие термину, данный концепт именуемому (см. [1, с. 206-247]). Таким образом, любой концепт это всегда множество смыслов, из которых ни один не является более предпочтительным. При такой точке зрения концепт достаточно легко отличить от понятия: понятие имеет строго фиксированное значение, концепт же представлен всегда открытым множеством смыслов, стянутых одним именем. Открытость, пластичность концепта делает его весьма подходящим инструментом исследования гуманитарной сложности.

Множество смысловых валентностей концепта (множество его своеобразных измерений) отмечается и у А.И.Уеова, только там речь идет не о множестве *смыслов*, а о множестве *атрибутов* или *отношений*. Принципиальное же отличие состоит в том, что концепт в ПОТС имеет определенное количество валентностей, и не является образованием открытым для одной и той же исследовательской ситуации.

Таким образом, самый элементарный экскурс в историю развития представлений о концепте в русскоязычной традиции свидетельствует о том, что его можно рассматривать как некий сложный (многомерный) объект, который имеет, как минимум, *культурологический, системный, философский* ракурсы измерения. С учетом цели данной работы можно заключить следующее.

Рассматривая *концепт* в качестве одной из ипостасей слова важно понимать, что, также как и понятие, концепт имеет *имя*, но в отличие от понятия, концепту нельзя поставить в соответствие строго значения. Концепт представляет собой сгусток смыслов и именно поэтому использование концептов всегда сопряжено с активацией смыслового

многообразия. И если понятие дает возможность одновременного обозрения некоторого *множества объектов*, то концепт позволяет связывать разные смыслы по поводу одного и того же, обнаруживаемые *различными субъектами*. Концепт не нивелирует, не упрощает смысловое многообразие, а наоборот, провоцирует, стимулирует его, объединяя *коллективного и индивидуального субъектов познания*.

СЛОВО как термин

Слово *термин* является таким же привычным и широкоупотребимым, как и слово понятие. Однако, опять же, хочется обратить внимание на то, что этим сочетанием букв отмечается совершенно особая *ипостась бытия слова*. С одной стороны, слово термин употребляется в тех случаях, когда речь идет о научных понятиях, которые встроены в ту или иную понятийную сетку и имеют вполне конкретное, точное, однозначное определение (в этом смысле *термин* никак нельзя перепутать с *концептом*). Однако у термина есть и другое сложившееся толкование. В энциклопедической статье философского словаря отмечается, что в современной литературе слово «термин» «употребляется и в смысле объекта нулевого уровня», «в качестве имени для возможных значений предметных переменных (при этом класс переменных включается в класс терминов)» [9]. Таким образом, *термин* можно мыслить как некую *потенциальность*, класс *возможных* значений слова. Эта потенциальность по своей природе отлична от потенциальности имени. Потенциальность термина связана с потенциальностями его *понятийного развертывания*. В отличие от понятий, которые возникают как своеобразные абстракции по отношению к элементам некоторого множества, *термин* связывает воедино уже совокупность абстрактных понятий (выстраивает конфигурацию понятийного множества). Можно выразиться и так: термин возникает в среде, характеризуемой высокой концентрацией отточенных, выверенных понятий. Таким образом, термин образует еще большую связность, нежели связность одного понятия. Абстрактный потенциал термина чрезвычайно велик и он вскрывается в процессе формирования все новых и новых теоретических построений. Главное место обитания терминов – научные теории, являющиеся своеобразными зонами потенциальных и актуальных *абстракций*.

СЛОВО как символ

И, наконец, еще одна ипостась слова – это *символ*. Исследования символа, еще в большей степени, нежели изучение концепта, осуществлялось с точки зрения весьма различных дисциплинарных ракурсов. Символ осмысляют философы, культурологи, психологи, социологи, религиоведы, лингвисты, астрологи... Более того, каждое из отмеченных направлений имеет собственные весьма различные традиции. Таким образом, ответ на самый общий вопрос о том, что такое *символ*, всегда будет представляться неполным. С учетом того, что автор данного текста приложил достаточно усилий для прояснения природы символа (см. к примеру работы [3], [4]) в данном тексте появляется возможность привести самые общие выводы, которые сформировались под воздействием взглядов Г.С.Сковороды, П.Флоренского, А.Ф.Лосева, В.Шмакова, Э.Кассирера, К.Г.Юнга, М.Элиаде, Д.Редьяра и ряда других мыслителей.

Начать, вероятно, следует с того, что подобно тому, как *концепт*, соотносится со *смыслами*, *символ* сопрячен *идеям*, фундаментальным, миротворящим идеям и *принципам*. Не становясь на зыбкую почву обсуждения того, откуда эти идеи приходят и как они связаны с принципами, важно заметить, что своеобразными местами естественного обитания символов предстают *религиозные тексты* (Библия, Тора, Коран, евангелия,...). Символы являются строительным материалом и для *мифов*. Культурная значимость всех этих текстов настолько велика, что мы, в свое время, предложили эти тексты именовать *генетическими* [4]. Генетические тексты оказываются питательным источником не только для развертывания того или иного религиозного культа, ни и всей культуры.

Символы существуют в генетических текстах подобно тому, как термины обитают в теориях. И также как и термины в теории, символы генетического текста тесно друг с другом переплетены, образуя своеобразную «символическую ткань» (символическую систему). Понять значение одного символа можно только путем его соотнесения с символами иными. Вычленение же одного символа из сложной сети отношений всегда сопряжено с его определенным огрублением.

В процессах культурной десакрализации имеет место интенсивное перемещение символов в культурные тексты совершенно иной природы, однако и в этих текстах символы продолжают свое специфическое *символическое функционирование*, связанное с сопричастием идеям. Суть этого функционирования можно пояснить следующим образом. Любая идея не может быть представлена (постигнута) иначе, нежели в процессе своего развертывания словом в языке, причем характер этого развертывания никак нельзя назвать произвольным, он предопределен самой идеей, направляющей этот процесс. Метафорически символы можно было бы назвать *обращенными в мир ликам, прикрывающими идеи* (это очень близко тому, что говорили о символах и Г.Сковорода, и П.Флоренский). Генетические тексты наполнены этим «лика́ми», сложной вязью их отношений, которые вызывают неослабевающее внимание исследователей.

В процессах культурного функционирования символы «отражаются» в многочисленных понятиях, концептах, но их исконная сила сокрыта именно в генетических текстах. В последнее время все активнее начинает проявляться мысль о том, что символ своеобразным способом направляет *процессуальные развертывания*. Группы символов, включенных в те или иные тексты, дискурсы, становятся подобны точкам приложения силы. Анализ используемого в том или ином гуманитарном контенте символического набора позволяет предположить характер возможных процессуальных перетеканий.

Если *концепт* стягивает множество смыслов, соответствующих слову, концепт именуемому, то в символе, который может быть обозначен таким же словом, к примеру, как и *концепт* или *понятие*, сконцентрирована предельно возможная смысловая полнота, позволяющая постигать *суть* символа. И если *термин* являет собой абстракцию более высокого порядка, нежели *понятие*, то *символ* – это высочайшая *бытийная полнота*, которая лишь намечена в *имени*. Символы являют предчувствуемую мощь СЛОВА, вскрывающего принципиальные основы сотворенного и непрерывно сотворяющегося мира.

Подводя итог всему отмеченному выше, можно сформулировать следующие **выводы**:

1. Развитие русской традиции философии языка дает основание для введения представлений о многомерности СЛОВА. Мерности слова иначе можно именовать его *ипостасями*. В настоящее время проявляются пять ипостасей СЛОВА: *слово* как *имя*, как *понятие*, как *концепт*, как *термин*, как *символ*.

2. Каждая ипостась (мерность) слова отличается особым способом функционирования.

С **именем** связана имятворческая, формовывающая функция слова.

Слово, представленное ипостасью **понятия**, позволяет осуществлять процессы абстрагирования, фиксации того или иного свойства, качества, отношения, обнаруживаемого в определенном объектном множестве.

Слово как **термин** проявляется в ситуациях строгого дисциплинарного прояснения, связывания близких взаимозависимых понятий.

В условиях междисциплинарного функционирования слово оборачивается ипостасью **концепта**. Концепт – это открытое множество смыслов, соответствующих его имени. Концепт, в отличие от понятия, не может иметь строгой дефиниции, постоянного значения.

Символ наделяет любое слово уже не дисциплинарно, а культурно зафиксированными значениями. С помощью символов осуществляются фундаментальные культурные кодировки.

3. Использование представлений об ипостасях слова может быть полезно при исследованиях *гуманитарной сложности*, сложных гуманитарных *дискурсов*, *терминологических полей*.

Список использованной литературы

1. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – 372 с.
2. Богатая Л.Н. Концепт и близлежащие категории: смысл, событие, хаос // Науковий вісник Харківського державного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди. Серія „Філософія”. – 2006. – Вип. 22. – С. 36-43.
3. Богатая Л.Н. Символ в функционировании социального организма: дис.канд. филос. наук : 09.00.03 / Лидия Николаевна Богатая. – Одесса, 2001. – 194 с.
4. Богатая Л.Н. Гештальт сознания / Л. Н. Богатая. – Одесса : Альянс-Юг, 2004. – 221 с.
5. Богатая Л.Н. Понятие и концепт как инструменты проявления рационального и иррационального // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Філософія. Соціологія. Політологія». – 2008. – Вип. 17. – С. 54-59.
6. Лосев А. Ф. Из ранних произведений / А. Ф. Лосев. – М. : Правда, 1990. – 656 с.
7. Маркович А.А. Дискурс: определения, история возникновения, типология, подходы к изучению дискурса / А.А. Маркович // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Дискурс в современном знании. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. – С. 5-17.
8. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра / С. С. Неретина. – М. : Гнозис; 1994. – 216 с
9. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/enc.htm>
10. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака. Очерки по лингвостетике и семиотике искусства. – М. : Языки славянских культур, 2014. – 640 с.
11. Флоренский П. У водоразделов мысли // Соч.: В 4-х тт. – М.: Мысль, 1994. – Т.2. – 446 с.

4. Богатая Л.Н. Проблематизация темы мышления // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія. Філософія. Політологія. – Вип.5. – Одесса, 2013. – С. 34-40.

Темнота безмыслия

Путь к мысли начинается с нестерпимого ощущения пустоты, которая обнаруживает себя среди белого дня, в омертвляющей гуще информационных наслоений. Человек начинает задыхаться от «безмыслия» и, напрягая все силы своего естества, практически на последнем дыхании задает мучительный вопрос о *направлении*, в котором следует идти, чтобы дышать, сохранять жизнь, возможную только в сопричастии к иному свету, предчувствуемому, но не видимому. Как прорвать омертвляющее безмыслие?

Кислородная подушка или о *поводах к интерпретации*

Есть тексты, которые можно сравнить с *кислородной подушкой*, они дают возможность на определенное время поддержать жизнь, ибо содержат то, что сродни «кислороду». Множественные интерпретации этих текстов есть проявления элементарного инстинкта самосохранения. Погружение в питающие вязи их слов подобно выстраиванию новой капиллярной системы, нормализующей кровообращение. На время происходит некоторое облегчение, усиливается предощущение света, но самого света нет. Достаточно естественно предположить, что проблема сокрыта во *времени*. *Свет* плоть от плоти своего *времени*. Когда же время свертывается в тот или иной текст, то свет «капсулируется», начиная существовать как отсвет, как указание на самую возможность прорыва, возможность светопричастия. В каждом времени этот прорыв должен осуществляться заново, каждый раз все сызнова и, вероятно, в этом и состоит один из

смыслов человеческого бытия. Прорыв к *свету* (к *мысли*) мы можем осуществить только сами, из того времени, которое даровано жизнью. Платон, Ницше и многие другие мудрецы способны лишь *подсветить путь*. Ослепительная вспышка, настоящее светоозарение возможны как результат собственных предельных усилий.

Подготовка к мышлению

Анализ чужих мыслей о *мысли* достаточно естественно рассматривать в качестве некоторой оздоравливающей, подготавливающей практики, в ходе которой осуществляется световая «настройка».

Выбор текстов всегда произволен и предопределен только интуицией и волей автора. В данном случае предлагается обратиться к некоторым мыслям о *мысли* трех совершенно различных философов: Г.Фреге [10], М. Хайдеггера [12], Ж. Делеза [5]. Решению столь своеобразной задачи может способствовать применение *многомерного подхода* [3].

Обращение к многомерному подходу предполагает осуществление осознанной работы с *локальными пространствами смыслов*.

В самом общем виде *локальное пространство смыслов* можно представить как множество смыслов - *проявляемых, проявленных, эксплицируемых, используемых* тем ли иным *автором* в ходе его исследовательской деятельности. Все эти смыслы обнаруживаются как результат освоения *случившихся* мыслей. Локальные пространства смыслов можно воображать *светящимися*, ибо именно наличием света, идущего от настоящей мысли, они отличны от *темных смысловых пространств*, которые тоже заполнены смыслами, но смыслами, не обнаруживающими причастия мысли. *Темное смысловое пространство* подобно *ментальному вакууму*, способному существовать даже в условиях предельной информационной насыщенности. *Информационную насыщенность* не следует путать с *ментальной наполненностью*.

Темные смыслы сродни *зablудившимся* смыслам, или - смыслам, потерявшим связь с изначальной мыслью, их породившей.

Смысловые локальные пространства формируются *мыслящим субъектом* и это является принципиальным моментом. Подобные пространства не могут существовать сами по себе, именно мыслящий субъект предстает их творцом, по своей воле извлекающим мысли и смыслы из тех или иных текстов в процессе собственного *смысло-* и *мыслетворчества*. Именно субъект мышления открывает смысловое *пространство той или иной мерности*.

В свое время М.Хайдеггер говорил о том, что отличительной чертой переживаемой эпохи является закрытость измерения Священного [Ха2. с.213]. Достаточно естественно предположить, что эта закрытость во многом предопределена *бездеятельностью (ментальным сном)* мыслящего субъекта, ибо именно он актуализирует это *священное* измерение. Свет смыслового пространства может обнаруживаться только субъектом, соответствующее пространство открывающим и развивающим. Причастие *Священному* дает возможность открытия истинного света, под воздействием которого и формируется мысль, порождающая «светящиеся» (истинные) смыслы. При этом термин *священное* важно не связывать с *религиозным* контекстом, ибо в результате подобного связывания теряется непосредственно философский ракурс обозрения.

Культивирование локального пространства смыслов и обработка информации – это принципиально разные интеллектуальные практики. Развитие локальных пространств смысла сопряжено с *мышлением* и является суто человеческим видом деятельности, в то время как оперирование информацией вполне доступно и машинам, искусственному интеллекту.

Локальное пространство смыслов есть спонтанно возникающее *живое* пространственное образование. Жизненность этого пространства предопределена фактом наличия времени, привносимого актуально мыслящим субъектом. Мысль может возникнуть только в *живом пространстве*, формируемом субъектом.

Локальное пространство смыслов возникает спонтанно и так же спонтанно схлопывается, являя собой некий элемент бурлящей *ментальной* среды – своеобразный ментальный пузырь, актуализированный для проявления мыслей.

Локальное пространство смыслов – это некое *герменальное* смысловое множество (термин «герменальное», которым часто пользовались Ж. Делез и Ф. Гваттари, происходит от слова *гермен* – росток, зародыш – лат., см. прояснение термина *герменальное* Я.И.Свирского [9, с.44]). Готовые смыслы, изъятые из других текстов, благодаря актуально мыслящему субъекту, формируют новое, «живое», «растущее» (взрачиваемое) пространство, в котором создаются условия для проявления новых мыслей. Старые смыслы как *зерна проращиваются* в изменяющихся пространственных и временных реалиях.

Продумывание всего отмеченного по поводу локальных пространств смыслов вполне естественно актуализирует целый ряд вопросов:

- почему множество смыслов должно формировать пространство?
- почему нельзя мыслить смыслы вне пространства?
- как с помощью смыслов может быть определена мерность пространства?
- как мысль соотносится с локальными пространствами смыслов?
- как, в связи с отмеченным, следует понимать процесс мышления?

Поиск ответов на эти вопросы во многом и предопределяет направление данного исследования.

И перед тем как к этому исследованию непосредственно приступить, важно подчеркнуть, что многомерный подход по своим внутренним интенциям близок *философскому эмпиризму* в смысле Ж.Делеза, толкующего философский эмпиризм как *эмпирический плюрализм*, как обращение к *множественностям* особого рода, а именно – к *герменальным множественностям*. По Делезу, цель философского эмпиризма заключается не в переоткрытии вечного или универсального, а в определении условий создания чего-то нового.

Подобно *эмпирическому плюрализму* *многомерный подход* связан с оперированием множественностями – *множествами локальных пространств смысла*. Многомерный подход также направлен на поиск нового, и этим новым оказывается мысль, порождающая иные смыслы и, соответственно, смысловые сдвиги.

Продумывание отмеченного предполагает необходимость более четкого различения двух терминов: *множественность* и *плюральность*.

Само слово *множественность* отлично от близкого термина *множество*, имеющего более абстрактный математический характер. Как отмечается в современных словарях русского языка, суффикс - *енность* является словообразовательной единицей, выделяющейся в именах существительных со значением свойства как способности совершать действие. Таким образом *множественность* можно понимать как *действенное* проявление множества. А выражение *герменальная множественность* означает указание на существование множества элементов, каждый из которых является «растущим» элементом, причем этот рост, его условия, отчасти, предопределены самим множеством (отсюда и проистекает целесообразность употребления именно слова *множественность*).

В русском языке *множественность* иногда заменяют термином *плюральность*, происходящим от латинского *pluralis*, что означает множественный. Активная жизнь термина *pluralis* связана с философией. Этим словом именуется философское направление, утверждающее, что мир состоит из многих принципиально различных, независимых и несводимых друг к другу субстанций, первоначал, первосущностей [Нов.Энци.словарь]. Таким образом, *плюральность* – это не просто абстрактная множественность, но множественность, в которой каждый элемент являет собой некое особое *первоначало*. И тогда одна из тем *эмпирического плюрализма* связана с исследованием соответствующих первоначал.

Что же касается многомерного подхода, то, как уже было отмечено, он предполагает спонтанную одновременную актуализацию нескольких локальных пространств смысла. Эту совокупность пространств вполне естественно мыслить как *герменальную множественность* или точнее – *герменальную плюральную множественность*. В подобном громоздком рабочем терминологическом конструкте содержится указание на то, что каждый элемент этой множественности, **во-первых**, имеет особое первоначало (*плюрален*), **во-вторых**, находится в состоянии непрерывного развития (*герменален*), и, наконец, **в-третьих**, характер развития этих элементов определяется самой *множественностью*, в которой соответствующие элементы были актуализированы.

Как уже было отмечено, различные локальные пространства смыслов в каждом конкретном многомерном мыслительном акте актуализируются одним и тем же субъектом мышления. Но тогда может возникнуть вопрос: почему соответствующие локальные пространства **плюральны** (имеют различные первоначала)? Разве не субъект, их формирующий, предопределяет это первоначало?

Поиск ответа на поставленный вопрос легче всего искать в конкретной многомерной практике. К примеру, когда мы пытаемся размышлять о мысли вместе с М.Хайдеггером, используя его *мысли* о **мысли** и им же эксплицированные *смыслы*, то тем самым формируем не просто «свое» (мыслящего субъекта) *локальное пространство смыслов*. Это локальное пространство смыслов обретает особое **измерение** и *мера* этого пространства связана не только с мыслью Хайдеггера, но и со всегда уникальной практикой *подстраивания* к этой мысли, подстраивания, осуществляемого мыслящим субъектом, открывающем и развивающим соответствующее пространство. В этой связи мыслящий субъект может именоваться *коммуникативным мыслящим субъектом* (если двигаться в направлении исследований, предпринимаемых В.И.Аршиновым, рассуждающем о *коммуникативном наблюдателе сложности* [2]).

Когда *мыслящий субъект* начинает размышления о мысли, к примеру, совместно с Г.Фреге, то актуализируется смысловое пространство иной мерности, формируется иная плюральность. Актуализация различных смысловых пространств (различных плюральностей) и ведет к осознаваемой многомерности. Предельное количество одновременно актуализируемых локальных пространств смысла определяется когнитивным потенциалом мыслящего субъекта.

В реальной практике многомерного мышления появляется возможность одновременного оперирования различными локальными пространствами смыслов. И главным результатом подобных практик оказывается проявление новых мыслей.

Отмеченное позволяет еще раз подчеркнуть следующее: от *философского эмпиризма* **многомерный подход** отличен, как минимум, во-первых, особым вниманием к различению *мерностей* исследуемых множественностей, во-вторых, принципиальным акцентом на *пространственно-смысловой природе* этих множественностей.

Как уже было замечено, основная задача нижеследующего текста состоит в том, чтобы в рамках многомерного подхода попытаться реконструировать некоторые мысли о *мысли* и *мышлении*, представленные в текстах Г.Фреге, М.Хайдеггера, Ж.Делеза.

Мысль и мышление

Обдумывание того, что есть *мысль* невозможно без одновременных попыток понимания *мышления*. *Мысль* и *мышление* настолько взаимосвязаны, что их раздельное рассмотрение оказывается весьма затруднительным. Отмеченный факт, скорее всего, является следствием неизбежной временной развертки всего того, что причастно *жизни*. Да и саму жизнь достаточно естественно связывать с наличием времени: то, что имеет возможность актуализации во времени – является живым, то, чему больше не отпущено времени теряет свою причастность жизни: разбивается чашка, вянет цветок, умирает человек, разрушается здание...Все эти факты связаны с иссяканием отпущенного

времени. Наличие же актуального времени есть условие причастия жизни. Мышление – процесс, глубинно связанный с временным развертыванием мысли.

Что же касается *мысли*, то ее связь со временем не кажется столь очевидной и этот момент требует специального продумывания.

В последующих рассуждениях важно дистанцироваться от *логического контекста*, в котором *мысль* и *мышление* были так долго заключены. Некоторым основанием для вывода мышления из сферы традиционной логики является ссылка на позиции Г.Фреге и М.Хайдеггера по этому поводу. В свое время Г.Фреге писал: «Мне представляется, что до сих пор мысль и суждение отчетливо не различались» [10, с. 33]. Со времен Фреге мало что изменилось. Если задать вопрос о том, *что такое мысль*, то многие мыслью назовут именно *суждение* или *умозаключение*. Но так ли это? Хайдеггер настаивал на том, что мы должны избавиться от технического толкования мысли [12, с. 193]. Введение мысли в прокрустово ложе логики является попыткой ее технического истолковывания. В результате подобных практик исчезает причастие самой мысли. По Хайдеггеру, «Бытие как стихия мысли приносится в жертву технической интерпретации мышления. “Логика” возникает со времен софистики и Платона как санкция на такую интерпретацию. Люди подходят к мысли с негодной для нее меркой. Мерить ею – все равно, что пытаться понять природу и способности рыбы судя по тому, сколько времени она в состоянии прожить на суше. Давно уже, слишком давно мысль сидит на сухой отмели» [12, с.193].

Как это ни парадоксально звучит, но *сухой отмелью* для *мысли* является *жизнь* с ее имманентным временным развертыванием всего, что оказывается жизни причастным. Развертывание мысли во времени ведет к ее оскудению. Жизнь оборачивается умиранием для мысли. Отмеченная парадоксальность может стать основанием для утверждения о соотносительности мысли с жизнью иной, возможно – «жизнью *потенциальной*», которая еще не получила *времени* для своего актуального развертывания, но уже предуготована к нему.

Мышление же – есть процесс *оживления* мысли. В мышлении мысль источает себя в многочисленных смыслах, с помощью которых затем осуществляются смысловые сдвиги. В этой связи кажется очень понятными высказывания М.К.Мамардашвили о том, что философия и есть поиск сдвигов, сдвигов, привносящих в мир нечто принципиально новое. Мышление, оживотворяющее мысль, способствует актуализации нового. Ж.Делез и Ф.Гваттари связывали жизнь именно с *новизной*: «если все является живым, то не потому, что все является органическим и организованным, но напротив, потому, что организм — это изменение направления жизни» [5, с. 849].

Мышление причастно жизни, есть плоть от плоти ее. Мысль же, на основании высказанного предположения, не имеет актуального времени. Жизненность мысли потенциальна. Осознание и освоение этой потенциальности в актуальной развертке возможно именно благодаря мышлению. В мышлении *бытие* развертывается в *сущем*. Хайдеггер писал: «“Логика” понимает мышление как представление сущего в его бытии, как оно подставляет себя представлению в виде обобщенного понятия. Но как обстоит дело с осмыслением самого по себе бытия, т. е. с мыслью, думающей об истине бытия?» [12, с. 211]. В этом фрагменте хайдеггеровского текста логическое понимание *мышления* связывается с понимаем *сущего в его бытии*. Сама же мысль толкуется как *думание об истине бытия*.

Двигаясь по хайдеггеровским следам, можно сфокусировать внимание именно на *мысли*, осознавая при этом, что постигнуть мысль можно только в мышлении, присутствие которого неизменно. *Мысль* и *мышление* можно разлучить лишь условным смещением фокуса внимания, но без это смещения невозможно понимание ни мысли, ни мышления.

Мысль и бытие

Если мысль не является ни *суждением*, ни *умозаключением*, то естественно возникают вопросы: что же такое *мысль*? Где ее искать? Г.Фреге высказывался на этот

счет следующим образом. С его точки зрения, «мысли не являются ни вещами внешнего мира, ни представлениями» [10, с. 42]. Это апофитическое утверждение он развивает следующим образом: «Мысль не является тем, что мы обычно называем действительным [wirklich]. Мир действительности, это мир, в котором одно воздействует на другое, изменяет это другое и вновь подвергается обратному воздействию, изменяющему и его. Все это суть события [Geschehen], происходящие во времени. То, что вневременно и неизменно, мы едва ли признаем реальным» [10, с. 51]. Отмеченное можно обобщить в следующих четырех утверждениях:

1. Мысли не являются вещами внешнего мира.
2. Мысли не являются представлениями.
3. Мысли не являются действительностью.
4. Мысли вневременны и неизменны (*косвенное утверждение*).

Из представленных утверждений, на наш взгляд, наиболее сложным является утверждение третье, по причине того, что к началу 21 века слово *действительность* (wirklich) не обнаруживает свою особую активность внутри философского лексикона. При этом слово продолжает функционировать на бытовом уровне. В философии же *действительность* коррелирует (но – не отождествляется) со следующими терминами: *реальность (актуальная и потенциальная), жизнь, жизненный мир, существование, бытие сущего...*

Для Фреге главной характеристикой действительности является *взаимодействие*, неизбывное «*воздействие*» элементов действительности друг на друга. Эти взаимодействия суть «события [Geschehen], происходящие во времени». При таком толковании действительности возникает искушение свести *утверждение 3* к *утверждению 4*. Ведь сложно помыслить взаимодействие и воздействие, происходящими вне времени. И если мысль *вневременна* и *неизменна*, то она и *недействительна*. Однако у Фреге действительность проявляет себя не только взаимодействием, но и *событийностью*. Мир действительности это «события [Geschehen], происходящие во времени». Вот из этого фрагмента мысли Фреге можно попытаться извлечь некий новый смысл, конституирующий новую ментальную реальность. Эксплицировать этот смысл можно следующим образом.

Если действительность – это «события [Geschehen], происходящие **во** времени», то возможен вопрос: существуют ли события, происходящие **вне** времени? Тогда такие события не являются действительностью и тем самым *утверждение 3* может быть переформулировано следующим образом: *мысль есть событие, происходящее вне времени*. Естественно, это утверждение нельзя приписывать Фреге, но оно актуализируется в результате продумывания мыслей немецкого логика и подлежит дальнейшей проверке на истинность.

Итак, мысли не являются ни вещами внешнего мира, ни действительностью, ни представлениями. Помимо этого есть основания для утверждений о том, что мысль – вневременна, неизменна и предстает *некоторого рода событием*. Отмеченное еще с большей силой актуализирует вопрос о том, где же искать мысль проявляющую себя подобным образом?

Хайдеггеровские интуиции, указывающие в сторону бытия, кажутся *тропинкой истинности*. Однако эта тропинка прокладывается в *другом времени*, а это значит, что она *та* и *иная* одновременно. И эту сложность нужно суметь уяснить.

Загадки Хайдеггера

Хайдеггеровское движение к *бытию* начинается с освоения *безымянного простора*: «Чтобы человек мог,... оказаться вблизи бытия, он должен сперва научиться существовать на безымянном просторе» [Ха2. с.195]. *Безымянный простор* – это одна из загадок Хайдеггера, состоящая из двух не очень понятных слов – *безымянность* и *простор*.

Как охватить *безымянность* в мире, который сложно представить без слова, ведь само *представление* в безымянности невозможно? Именно поэтому Хайдеггер и пишет о том, что человеку еще *предстоит научиться существовать* в этой пока еще неосвоенной *безымянности*, через которую пролегает путь к *бытию*, путь, на котором человек может обрести самого себя, осуществившись как «*вот*» *Бытие*, как его *просвет*. Человек, не ощущающий своей *про-светности*, становится *вытолкнутым из истины бытия*, *animal rationale*.

Слово *про-светность* – еще одна загадка. В истории человеческой культуры накоплены многочисленные свидетельства, указывающие на связь *света* и *слова*. Но тогда следует ли понимать *про-светность* как *про-словие* или лучше *между - словие*, являющее собой *безымянный простор*?

Хайдеггеровское упоминание *безымянного простора* становится своеобразным жестом, указывающим в сторону *иного начала* (измерения *Священного?*), отличного от того, которое устами евангелиста Иоанна было сопряжено со словом: «В начале было Слово и Слово было у Бога. И Слово было Бог». Но **что** тогда, если не слово, является способом проявления этого *иного начала*?

Словом осваивается привычное пространство проявленного мира, слово осуществляет своеобразное *рифление* (Делез/Гваттари) этого пространства. Вполне естественно предположить, что и *иное начало* также имеет пространственную развертку, или вместо пространства целесообразнее мыслить *простор*? Но тогда обнаруживаются две новые принципиальности – *безымянность* и *простор*, которые и способствуют проявлению *иного начала*, начала, которое уже не проявляется словом.

Если *освоение пространства* мыслить как его своеобразное *рифление*, то освоение *безымянного простора* должно обнаружить некий принципиально новый *инструмент рифления*, отличный от слова. И поиски этого инструмента ведут к *мысли*.

У Хайдеггера *мысль* оказывается неким *посредником* между человеком, имеющим возможность стать «*просветом бытия*», и *бытием*: «мысль внимает просвету бытия, вкладывая свой рассказ о бытии в язык как жилище экзистенции... мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия» [12, с.192]. Отмеченное Хайдеггером допустимо перетолковать следующим образом:

мысль становится своеобразным посредником между *бытием* и *человеком*, соотносящимся с бытием через свою *просветность*. *Человек* познает *бытие* через *мысль* и *язык*. *Бытие*, *мысль*, *человек* как «*просвет бытия*», *язык* оказываются участниками некоего мирозданческого перформанса, осуществляемого посредством *синархии* (*взаимо-со-действия*). Продумывание отмеченного порождает образ некоторого космического танца, в ходе которого происходит *пахтание* мира.

Хайдеггер пытается выявить механизм *рассказа о бытии*: «само бытие касается мысли, и то, как оно ее касается, готовит ее к скачку, в котором она возникает из самого бытия, чтобы таким образом отвечать бытию как таковому» [11, с.49]. Или еще: «мысль...допускает бытию захватить себя, чтобы с-казать истину бытия» [12, с.192]. Но как понимать выражение «допускает захватить»? Мысль, *захваченная бытием*, проявляясь в языке, обнаруживает тем самым и себя, и истину бытия. Это обнаружение становится возможным благодаря человеку, входящему в состояние *простветности бытия*, человеку, преодолевающему свою «вытолкнутость из истины бытия», *вращение* «вокруг самого себя как *animal rationale*» [12, с. 208].

Слово *вращение* кажется ключевым для понимания процессов, происходящих на границе раздела двух начал: *бытия*, с его *истиной бытия* и *мира человека*, отторгнутого от истины бытия, но имеющего потенциальную возможность *просветности*.

Выталкивание из истины бытия размыкает связность человека и бытия и заставляет его вращаться вокруг самого себя, превращая в *animal rationale*, наделяя у-щербностью (не эта ли ущербность обнаруживается в нестихающей теме *кризиса рациональности*, *кризиса animal rationale*)?

Согласно правилам динамики для того, чтобы вращение состоялось, человек должен получить вращающий импульс. Этот импульс может исходить, к примеру, от «разрыва начал», либо от самого бытия, захватившего мысль. Но тогда соответствующее *вращение* оказывается своеобразным *следом* причастия человека *бытию и мысли*.

Размышления об *animal rationale*, вытолкнутого бытием и вращающегося вокруг самого себя, достаточно естественно актуализируют представления о *рекурсии*, возникшие первоначально в научно-методологическом дискурсе, благодаря информационным, кибернетическим, социальным исследованиям Г.Бейтсона, Ф.Варелы, У.Матураны, Н.Лумана и др. В.И.Аршинов настойчиво повторяет, что идея *рекурсии* оказалась ключевой в методе освоения *сложности*, разрабатываемом Э.Мореном. С точки зрения В.И.Аршинова, Э.Морен один из первых мыслителей, которые в конце 70-х годов прошлого века предприняли попытку отойти от *концепции систем* в направлении разработки *концепции сложности*. Метод Морена – своеобразный *метод метода, понимание понимания* в мире сложного, В.И.Аршинов предложил назвать *методом рекурсии* или даже *принципом рекурсии*. При этом вполне естественно возникает вопрос: не является ли «принципиальный» статус *рекурсии* следствием неизбежного вращательного импульса, получаемого человеком в процессе сопричастия истине бытия а сам факт сопричастия истине бытия освоением нового уровня сложности, сложности, которая натолкнулась (или, наконец, вышла) на онтологический разрыв, на освоение области сосуществования двух начал?

Своеобразное вращение обнаруживает себя и в процессе разворачивания мысли, в процессах мышления. Здесь особая роль принадлежит *концептам*. Ж.Делез даже называл философов *ловцами концептов*. Делезовское понимание концептов чрезвычайно интересно и глубоко. В достаточно грубом виде *концепт* можно представить как термин, которому соответствует некоторое открытое множество смыслов. В свою очередь, каждый смысл, связанный с термином, именуемым концепт, являет собой своеобразную рекурсию по отношению к этому термину (представления о *циклической природе смыслов* развивались автором в публикации [4]). Тогда любой концепт предстает неким множеством рекурсивных петель. Вращающий импульс, возникающий как результат преодоления *разрыва начал*, сохраняет себя в своеобразной *петлеобразной* форме концепта

В.И.Аршинов, например, говоря о концептах наблюдателя и наблюдения, развиваемых С.Брауном в работе «Законах формы», называет эти концепты изначально саморефлексивными и рекурсивными. Но саморефлексивность и рекурсивность являются, скорее всего, основополагающими началами любого концепта. И эта рекурсивность оказывается неизбежной для *animal rationale*, вращающегося вокруг самого себя, пережившего процесс выталкивания из состояния *просветности бытия*.

Интересно то, что во многих практиках человек пытается искусственно воссоздать импульс вращения. И здесь вспоминаются не только всевозможные *вращения-кружения*, запечатленные в различных традициях, но и соответствующие ментальные опыты. К примеру, В.В.Бибихин говорит о том, что «люди взвинчивают себя говорением» [11]. Не является ли это *взвинчивание* попыткой искусственного моделирования вращающего импульса, столь необходимого для обратного вхождения в состояние *про-светности*?

Все эти вопросы настойчиво требуют дальнейшего продумывания природы мысли.

Мысль и ее стихия

Начало разговора о *стихии* мысли в определенной мере кажется провокативным, ибо в проявленном мире, как известно, нет такой стихии, которая могла бы образовывать мысль. Но Хайдеггер говорит именно о *стихии* мысли: «Мысль приходит к концу, когда уклоняется от своей стихии. Ее стихия то, благодаря чему мысль может быть мыслью. Ее стихия — это в собственном смысле могущее: сама возможность» [12, с.194]. Интересно

то, что эти размышления М.Хайдеггера кажутся очень близкими некоторым интуициям Ж.Делеза.

На самом пределе жизни, в одном из последних своих текстов Ж.Делез передал людям совершенно необычный фокус видения мира, средоточием которого оказались взаимопереходы *актуального* и *реального* [6]. По Делезу, не существует чисто актуальных объектов, «всякое актуальное погружено в похожую на туман расплывчатость виртуальных образов», «любое актуальное охвачено кругами (*cercles*) виртуального». Загадки Делеза возмущают воображение не менее, чем загадки Хайдеггера. К примеру, Делез пишет: «отношение актуального и виртуального все время образует круговращение, но двумя способами: то актуальное отсылает к виртуальному как к другой вещи в широком кругообороте, где виртуальное актуализуется; то актуальное отсылает к виртуальному как к своему собственному виртуальному в самых маленьких кругооборотах, где виртуальное кристаллизуется наряду с актуальным». Приведенные рассуждения Делеза подобны *чистому кислороду*, дышать в котором не представляется возможным. Возникают лишь некие видения-коловороты, напоминающие, к примеру, «Звездную ночь» Ван Гога. Великие французы – художник и философ – кажутся захваченными одной темой, темой предельного для человека *подступа – приближения к бытию*. И этот подступ манифестирует себя всевозможными вихрями: *вихрями виртуального*, от которых уже один шаг к стихии *возможного*. Но этот шаг связан с преодолением принципиального разрыва между *виртуальным* и *возможным* (эта тема достаточно подробно развивается Ж.Делезом в работе «Различение и повторение»).

Что же собой представляет *стихия* мысли? Не эта ли стихия обнаруживает себя в процессах взаимодействия *мысли* и *бытия*, когда мысль оказывается *захваченной бытием*? Какова роль этой стихии в формировании *простора бытия*? Можно ли уподобить проявление *мысли* в *языковые формы* процессам превращения виртуального в актуальное?

Подобные вопросы стягивают те интуиции, которые кажутся близкими размышлениям о стихии мысли. К примеру, очень интересные и сложные рассуждения А.Ф.Лосева о связи *смысла* и *числа* (эти рассуждения более подробно рассматривались в монографии [3, с.154-162]). Возможно, эта стихия каким-то образом связана с *числом*?

Мысль и человек

Cogito ergo sum. Известные слова Декарта казались вполне понятными до момента, пока не было озвучено хайдеггеровское клеймо – «*animal rationale*».

Путь *cogito* как-то незаметно выродился в тропинку *rationale*. Сизифов труд рационального познания мира привел к источающему оскудению, человек столкнулся с возможностью исчерпания самого себя. Желание «оседлать природу», «овладеть мыслью», заявить себя «творцом мысли» сегодня видятся нелепой карикатурой на человека, потерявшего путь к себе. А декартово *cogito ergo sum* оказывается вновь актуальным, ибо именно *cogito* принципиально отличает **человека** от *animal rationale*.

Г. Фреге писал, что *человек не властен над мыслью*, он не создает мыслей, не является их носителем в той степени, в которой является носителем представлений, человек должен принять мысли такими, какими они есть, схватывая их: «постигая или мысля мысль, мы не создаем ее, а лишь вступаем с тем, что уже существовало раньше, в определенные отношения» [10, с. 43]. Своеобразным рефреном сказанному звучат слова Делеза/Гваттари о том, что мысль является становлением, а не атрибутом Субъекта и репрезентацией Целого [5, с.638].

Постижение мысли или *мышление* становится возможным благодаря проявлению неких *отношений* с мыслью. И эти отношения выстраиваются человеком. Вот тут то и возникает сомнение в том, а так ли уж *пассивен* субъект мышления? Ведь из того, что мысль является *становлением*, вовсе не вытекает безучастность субъекта к этому становлению.

В качестве некоторой модели, проясняющей ситуацию становления в условиях онтологического (иерархического) разрыва можно обратить внимание на модель, предложенную более пятидесяти лет тому Альфредом Кастлером, лауреатом Нобелевской премии по физике (1966 год). Концепция *холона*, представленная А. Кастлером в работе «The Ghost in the Machine?», достаточно подробно анализировалась В.И. Аршиновым, переведившим на русский язык фрагменты кастлеровского текста [1]. По поводу *холона* Кастлер пишет так: «Мы находим промежуточные структуры на последовательности уровней в восходящем порядке сложности, каждая из которых имеет два лица, смотрящих в противоположных направлениях; обращенное к нижнему уровню выглядит как нечто целое, автономное, обращенное вверх – как зависимая часть.... Я предложил термин «холон» для этих янусоподобных подансамблей – от греческого *холос* – целое с суффиксом *он* (протон, нейтрон), предполагающим частицу, или часть» [1, с. 72]. Кастлер подчеркивает, что «холон есть открытая, саморегулирующаяся система, управляемая набором фиксированных правил, которые предлагается назвать каноном холона» [1, с. 72].

Возникает сильное искушение саму *мысль* помыслить в качестве подобного холона. Тогда по отношению к *animal rationale*, в его до-просветности, мысль обнаруживает себя как нечто целое, управляющее процессами собственного обнаружения через выявление сопутствующих смыслов; однако по отношению к *бытию* мысль становится управляемой, ведомой, зависимой. *Мысли-холоны* одновременно обнаруживают себя в двух принципиально различных онтологических уровнях: на уровне, связанном с существованием вытолкнутого из *просвета бытия* человека и на уровне *просветности бытия*. Вероятно, именно эта возможность одновременного переживания принципиально различных начал и делает человека *многомерным*. Практическое освоение многомерности оказывается тесно связанным с пониманием того, что есть мысль.

И последнее, на что, кажется, очень важно обратить внимание.

Бытие способствует обнаружению *мысли*, мысль проявляется в *языке*, который развивается и формируется *человеком*. *Бытие, мысль, язык, человек* образуют в своем единстве некую фундаментальную **квадру**. Сама квадра предстает, тем самым, принципиально новой гносеологической установкой, дополняющей и развивающей уже, в той или иной мере, освоенные гносеологические способы анализа (*усмотрения*) – триадический, диадический, монадический. Попытки понимания природы мысли оказываются тесно связанными с осознаниями возможностей *квадро-анализа*, который тем самым оказывается отдельной и очень важной темой современной теории познания.

Заключение

Представленный выше текст можно попытаться сжать до нескольких ключевых тезисов.

1. Размышления о *мысли* ведут к необходимости освоения ситуации **онтологического разрыва** или иначе – ситуации существования принципиально различных начал, одновременно доступных человеку для осознанного освоения. Именно в этом понимании **принципиально различного** человек и обретает *многомерность*.

2. Принципиально различные онтологические начала иначе можно мыслить как *различные природы*, которые человек может *осваивать* одновременно.

Первая природа проявляется в ситуациях *вытолкнутости из бытия* (М.Хайдеггер), в переживаниях состояний *animal rationale*. В этих состояниях особую роль играют *вращательные движения*. Вполне вероятно, что **принцип рекурсии** (Э.Морен, В.Аршинов), который предлагается рассматривать в качестве первостепенного при освоении *вновь открывающегося уровня сложности* (А.П.Огурцов [8]), предстает своеобразным отражением этих фундаментальных вращений, обнаруживающихся на границе раздела двух природ.

Вторая природа или *другое онтологическое начало* доступно только человеку, находящемуся в состоянии *просветности бытия* (М.Хайдеггер). Это начало проявляет себя своеобразной игрой *мысли* и *бытия*: бытие способствует проявлению захваченной

мысли, мысль позволяет открыться истине бытия, язык предстает домом для проявления мысли об истине бытия. Эта вторая природа разворачивается в *безымянном просторе* (М.Хайдеггер).

3. Освоение *второй природы*, иного онтологического начала актуализирует вопрос об обнаружении новой стихии, принимающей участие в формировании мысли. Возможно, в соответствующих рассуждениях целесообразно предположить (допустить) существование *стихии числа*.

4. Осознанное освоение принципиально различных онтологических начал актуализирует идею *квадры*, которая может способствовать формированию нового гносеологического инструментария, более адекватного новым уровням актуализирующейся сложности. *Квадра* приходит на смену *триаде*, *диаде*, *монаде*, естественно, не вытесняя, а лишь дополняя собой предыдущие гносеологические установки. Элементарная квадра, просматривающаяся в размышлениях об отмеченных выше онтологических уровнях принципиально различной природы, может быть зафиксирована терминами – *бытие, мысль, язык, человек*.

Список использованной литературы

1. Аршинов В.И. Об иерархии // Некоторые проблемы диалектики. – Вып. VII. Программно-методические материалы в помощь философским семинарам АН СССР, – М.: ИФАН, 1973.
2. Аршинов В.И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности / Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – С. 59-73.
3. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению /Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – 372 с.
4. Богатая Л.Н. О соотношении постмодерна и техногенной цивилизации как общекультурных феноменов // Культура народов Причерноморья. (Крымский научный центр НАН Украины). – 2007. – №106. – С. 15-17.
5. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц и послесл. Я.И. Свирского; науч. Ред. В.Ю. Кузнецов.– Екатеринбург: У-Фактория; – М.: Астрель, 2010. – 895 с. .
6. Делез Ж. Актуальное и виртуальное [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kinogramma.ru/deleuze>
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/enc.htm>
8. Огурцов А.П. Преодоление сложности и расширение границ научных теорий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Электронный философский журнал Vox / Голос: <http://vox-journal.org> . Выпуск 12 (июнь 2012)
9. Свирский Я.И. Философские стратегии Ж.Делеза и Ф.Гваттари в контексте парадигмы сложности // Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – С.41-59.
10. Фреге Г. Логико-философские труды [Текст] / Готлоб Фреге; пер. англ., нем., франц., В.А. Суровцева – Новосибирск: Сиб. Унив. Изд-во, 2008. – 283 с. – (Пути философии).
11. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. В.В.Бибихина. – М. : Академический проект, 2007. – 303 с. – (Философские технологии).
12. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993.- 447 с.- (Мыслители XX в.)

5. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – С.109-112. (Фрагмент монографіі).

Подобно тому, как в прошлом внимание философов было обращено к изучению *сущности и, души, субстанции*, в современной философской проблематике *смысл* занимает одно из центральных мест, становясь объектом изучения философов, принадлежащих различным направлениям и школам. Размышлениями о природе *смысла* занимаются не только философы, но и психологи, лингвисты, социологи. И очевидно, что этот перечень можно было бы легко продолжить.

Исследования смысла носят *открытый* характер, в результате чего количество точек зрения на отмеченный объект философского внимания непрерывно возрастает, что создает сложности при реализации попыток оценить современное состояние изученности вопроса. Дополнительной проблемой оказывается различное толкование *терминов*, чаще всего используемых при построении различных ракурсов рассмотрения смысла.

Одно только перечисление имен философов, обращавшихся в своем творчестве к тем или иным аспектам изучения смысла, составит значительный список. При этом в каждом конкретном исследовательском подходе используются различные концептуальные и методологические основания, что, несомненно, затрудняет целостное обозрение всех накопленных материалов о смысле.

Российский исследователь А.С. Кравец предлагает рассматривать существование трех парадигм исследования смысла: *словоцентристскую, пропозициональную и деятельностную*.

Словоцентристская парадигма предполагает *слово* элементарной единицей смысла. При этом смыслы предложений, фраз, текстов устанавливаются на основании смыслов слов, соответствующие образования представляющих. Словоцентристская парадигма формулируется с помощью таких терминов как *означение, обозначение* (*обозначение* – соотнесение слова с обозначаемой **вещью** (денотатом), *означение* – фиксация **мысли**, проясняющей то или иное слово). Фактически в рамках *словоцентристской парадигмы* смыслов сформировалось два направления развития представлений о смысле: первое тяготеет к *экстернализму* и связывает смысл со следующим семейством понятий – **обозначение, денотат, десигнат, референт, номинат, экстенционал**; второе обнаруживает тенденции к *интернализму*. При этом смысл связывается с *сознанием* мыслящего его субъекта и рассматривается в контексте понятий – **означение, смысл, сигнификат, интенционал**.

Помимо *словоцентристской* парадигмы смысла А.С. Кравец предлагает выделить *пропозициональную* и *деятельностную* парадигмы. В рамках *пропозициональной парадигмы* появление *смысла* слова связывается с его *употреблением в речи*. Смысл слова обнаруживает себя только в предложении, *пропозиция* и *предложение* рассматриваются как соизмеримые сущности. *Пропозиция* определяет элементарную связь *имен и предикатов*. Соответственно смысл является собой некоторую конструкцию имен и предикатов и предстает, таким образом, неким *пропозициональным образованием*.

Что же касается *деятельностной парадигмы*, пришедшей на смену пропозициональной, то в ее рамках рассматривается уже не только смысл самой пропозиции, но и *прагматические устремления* коммуникантов. Разработчиками и активными сторонниками деятельностной парадигмы являются Дж. Остин, Дж. Р. Серл, Д. Гордон, Дж. Лакофф.

Если же вернуться к особенностям данного исследования, то в нем не ставится задача систематизации существующих подходов к изучению смысла. Не планируется и детальное погружение в один из многочисленных подходов. Цель, стоящая перед автором, иная: осуществить самые первые попытки прояснения того, *что есть многомерное мышление*, и провести исследование его элементарных процедур. Для достижения

обозначенной цели необходимо зафиксировать и прокомментировать элементарный *терминологический базис*, в контексте которого планируется проведение размышлений о *многомерности*.

Смысл обнаруживает себя одним из *ключевых элементов* соответствующего базиса и именно поэтому соответствующий элемент требует специального прояснения.

Как отмечал Л. Витгенштейн, цель философии заключается в *прояснении мыслей*. «Философия не теория, а деятельность. Философская работа состоит по существу из разъяснений. Результат философии – не некоторое количество «философских предложений», но прояснение предложений. Философия должна прояснять и строго разграничивать мысли, которые без этого являются как бы темными и расплывчатыми» [2, с. 21]. Руководствуясь столь значимым напутствием одного из наиболее интересных философов XX века, можно непосредственно приступить к выполнению задачи последовательного прояснения различных точек зрения на природу *смысла*, не избегая при этом соотнесения достаточно противоречивых мнений, так как, опять же по Витгенштейну, идея, будто для того, чтобы прояснить значение общего термина следует искать общий элемент во всех его применениях, сковывала философское исследование. Ибо она не только не давала результата, но также заставляла философа отбрасывать как не относящиеся к делу конкретные случаи, которые только и могли помочь ему понять использование общего термина [1].

Смысл в контексте ближайшего семейства понятий

Сама этимология русского слова *смысл* свидетельствует о том, что *смыслы* возникают в результате *мыслительных актов*. *Смысл* не отделен от *мысли*. И какой бы ни была *мысль* – *линейной* или *многомерной*, ей неизбежно должны сопутствовать *смыслы*. Интересно заметить, что английское слово *sense* (смысл) не имеет подобной корреляции термину *thought* (мысль), а отсылает к *чувствам, ощущениям (sense)*. Таким образом, с одной стороны, *смысл* сопрягаем с *мыслью*, с другой – с *чувством, ощущением*, данными в *восприятии*. Следует добавить, что в английском языке параллельно термину *sense* часто употребляется слово *meaning* (*значение*). *Смысл* и *значение* вообще часто рассматривают как синонимы. Из отмеченного вытекает, что размышления о *смысле* целесообразно вести в контексте следующего семейства понятий: *значение, мысль, чувство, ощущение, восприятие*. Очевидно, что соответствующее семейство можно расширять, исследуя терминологические корреляции слова *смысл*, обнаруживающиеся в других языках.

Помимо *семейства понятий*, окружающего тот или иной термин и играющего важную роль в процессе его исследования, особое внимание следует обратить на *терминологический базис*. В отличие от *семейства понятий*, формирующегося в ходе развития языка, *терминологический базис* является образованием искусственным, изобретаемым исследователем для проведения соответствующих философских построений. Выбор *терминологического базиса* осуществляется благодаря авторской интуиции, что ведет к рискам неоправданных акцентов или незаслуженного невнимания по отношению к тем или иным терминам. Иногда в терминологический базис, формируемый на основании соответствующего семейства понятий, вводятся элементы, появление которых не всегда легко аргументировать. Но, не смотря на возможность довольно спорных выборов и предпочтений, фиксация терминологических базисов позволяет совершать исследовательские *микро–* или *макропрорывы* в понимании того или иного исследуемого объекта (явления, процесса). В подборе элементов терминологического базиса всегда присутствует момент авторского произвола (или лучше – авторского права), выражающегося в некоторой произвольности выбора терминов, в контексте которых осуществляется исследование.

К ряду понятий, в контексте которых, с точки зрения автора, целесообразно вести размышления о смысле, следует отнести *восприятие, представление, знак, значение, число*. Важно еще раз подчеркнуть, что отмеченный терминологический базис является

исключительно авторским видением того терминологического окружения, в контексте которого продуктивно вести размышления о *смысле*.

6. Богатая Л.Н. Гуманитарная сложность в контексте ближайших категориальных понятий.

В современном языке существуют слова, которые обладают магией притягивать к себе внимание. Эти слова активно употребляются, многие стремятся обогатить ими свой лексикон, однако очень часто глубинное значение этих своеобразных слов – *игрушек* едва лишь улавливается. Кто только сегодня не говорит о *концептах*, *парадигмах*, *дискурсах*, *инновациях*, *перформативах*, ... Отмеченные термины кочуют из языка в язык, из текста в текст, историки понятий отслеживают нюансы случайных значений, обнаруживаемых в результате их функционирования в новых дисциплинарных, культурных лакунах. А вот неискушенному пользователю остается только полагаться на собственное языковое чутье и надеяться на то, что очередное «диговинное» словоупотребление окажется удачным. Проблему никак не разрешают многочисленные словари, в которых представленные слова толкуются с весьма различных позиций.

На первый взгляд, отмеченное вовсе не ново для процессов словоупотребления. Однако в современной ситуации появляется возможность посмотреть на подобные явления с точки зрения представлений о *гуманитарной сложности*.

Последняя четверть XX века в естественных науках была тесно связана с исследованиями *сложности* (*complexity*). Философы, в первую очередь, в рамках философии науки, тщательно отслеживали и осмысливали складывающийся понятийный инструментарий, который разрабатывали ученые. В результате в широкий культурный оборот попали такие термины, как *нелинейность*, *открытость*, *флуктуация*, *случайность*, *бифуркация*, *параметр порядка*, ... и, конечно же, – *сложность*. Социологи заговорили о *социальной сложности*, экономисты стали рассматривать *экономику в контексте представлений о сложном*, лингвисты занимаются исследованием *лингвистической сложности*. Сложность обрела широкое междисциплинарное звучание. Однако проблема заключается в том, что ключевые концепты, используемые для понимания сложного, возникли все же в естественных науках и их использование в гуманитаристике имеет оттенок вторичности.

В развиваемом подходе под *гуманитарной сложностью* предлагается понимать особый тип сложности, порождаемой человеком и обнаруживаемой в продуктах его *полиязыковой деятельности*. В первую очередь эта сложность проявляет себя в *дискурсах* – специфических результатах разнообразных коммуникативных практик (о различении значений омонимов *дискурс* и *дискурс* см., к примеру, статью [5]). Дискурсы оказываются подобны открытым нелинейным средам, порождаемым *коллективным* непрерывно коммуницирующим субъектом (далее по тексту слово *дискурс* будет употребляться именно в таком смысле).

Изначально следует подчеркнуть, что *гуманитарную сложность* не может быть редуцирована к *сложности лингвистической*, являющейся отражением процессов, происходящих в тех или иных языках (в качестве примера можно привести интересный обзор существующих исследований *лингвистической сложности* [3]). Главное отличие гуманитарной сложности заключается в том, что она принципиально *полилингвальна*. Эта сложность порождается в ходе непрерывных перекодировок, связанных с переходами из одной языковой или смысловой среды – в другую.

В дискурсах подобные переключения – очевидны. Это могут быть, к примеру, переходы от использования языка науки на литературный язык, переключение языковых традиций различных исследовательских школ, ... Языковая «лоскутность» дискурса

оказывается его неперенным признаком. Более того, именно зоны состыковок, в первую очередь приковывают особое внимание исследователей.

Понятно, что *гуманитарная сложность* для своего изучения требует **специального методологического аппарата**. При этом ключевые концепты, которые развивались в результате рассмотрения сложности *не-человекомерной*, естественно использовать в качестве элементарного «модельного ряда». Представления о *нелинейности, диссипативности, открытости, фрактальности, случайности, бифуркациях, флуктуациях* могут обрести существенные дополнения в результате их переосмысления в условиях *гуманитарной сложности*. Началом подобных переосмыслений видится выявление специфической, «дополнительной» категориальной сетки, позволяющей размышлять о сложности в гуманитаристике. И именно *дискурс* представляется одной из ключевых категорий этого вновь обнаруживаемого категориального ряда.

В современной гуманитаристике дискурс играет такую же важную роль, какую в предыдущие десятилетия отводилась тексту. И именно поэтому особого внимания заслуживает вопрос о том, какие глобальные подвижки в гуманитарных исследованиях связаны со смещением этого фокуса исследовательского внимания.

Главная цель данной работы – рассмотрение одного примера практического освоения *гуманитарной сложности*. Этим примером является статья немецкой исследовательницы Д.Бахманн-Медик, изучавшей причины изменений отношения к категории *текста*, обнаруживающиеся в современном литературоведении и □ультурологии.

От текста к дискурсу: развертывание гуманитарной сложности

Имя Дорис Бахманн-Бедик в последнее время упоминают в связи с ее достаточно активной включенностью в обсуждения идеи «культурологического поворота» [2]. Статью «Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии» [1], можно рассматривать как весьма знаковое интеллектуальное событие в современной гуманитаристике.

Для данного исследования важно то, что сам текст Бахманн-Медик написан в *стиле гуманитарной сложности*. Подобный стиль получил в последнее время широкое распространение. Его характерными признаками является большое количество цитируемых источников³, разнообразие рассматриваемых дисциплинарных областей (литературоведение, лингвистика, этнология, социальная культурология,...), своеобразная манера цитирования, которая стала популярной в современных гуманитарных исследованиях. Особенность этого способа цитирования состоит в том, что вместо исследования цитат, содержащих сложную мысль, требующую последовательных экспликаций, осуществляется «выуживание» в анализируемых текстах удачных *метафор*, отдельных точно подмеченных *терминов*. Подобное «точечное цитирование» направлено не на анализ сложных ментальных конструкций, а, скорее, на поверхностное терминологическое «схватывание», позволяющее зафиксировать даже самые незначительные тенденции, изменяющие традиционные кодировки. Фактически уже не отдельные тексты становятся предметом анализа, а их «терминологические шлейфы», терминологические поля, пронизывающие сложные дискурсы.

Среди многих причин переживаемого культурного поворота Бахманн-Медик предлагает обратить внимание на факт своеобразного «охлаждения» к *ключевой метафоре*, определяющей культуру как *текст*.

Эта метафора занимала доминирующие позиции в последние десятилетия. Выражение «культура как текст», по очень меткому замечанию обсуждаемого автора, стало буквально «*плавающей формулой культурологического анализа*», имеющей

³ Пространные списки цитируемой литературы стали характерной чертой современных европейских гуманитарных исследований. Количество страниц, на которых представляется обзор цитируемых работ, иногда приближаться к размерам самого текста.

высокую историческую устойчивость и ставшей неким *«программным лозунгом наук о культуре»*. Долгое время любое культурное явление рассматривали как текст: от произведения искусства до, к примеру, политических выступлений студентов или нового архитектурного комплекса. С точки зрения Клиффорда Гирца (еще одного весьма авторитетного современного аналитика культуры), благодаря этой формуле осуществлялась своеобразная *«рефигурация социального мышления»*⁴.

Как известно, концепция *«культуры как текста»* базируется на понимании культуры как мира значений, в котором любые действия постоянно переводятся в знаки. Понимать культуру как текст – значит, по Гирцу, *«найти способ прочтения того, что произошло»*.

Метафора *«культура как текст»*, по мнению Бахманн-Медик, сыграла свою историческую роль и теперь оказалась своеобразным интеллектуальным препятствием, застрявшим и неэффективным стереотипом, который необходимо преодолеть (вот здесь понятными становятся известные слова Р.Рорти о необходимости *«разметывания метафор»*), ибо на определенном этапе своего существования некоторые метафоры превращаются в агрессивные элементы интеллектуальной среды, от которых необходимо избавляться). Культурный поворот и связан, в определенной мере, с фундаментальным очищением от устаревших концептуальных установок, выцветших метафорических ориентиров. Культурные повороты – это своеобразные этапы *«исследовательских перефокусировок»*. Именно так можно рассматривать, к примеру, *лингвистический, постколониальный, иконический, визуальный, нарратологический* и прочие повороты [1].

Большая часть статьи Бахманн-Медик направлена на поиск новых исследовательских ракурсов, которые приходят на смену уже устаревающему пониманию *культуры как текста*. Автор анализирует значительный корпус современных гуманитарных текстов, подготовленных в рамках этнологии, этнокультурологии, литературоведения, социальной культурологии.... Фактически все эти тексты в своей совокупности и представляют сложный дискурс, который и пытается изучать немецкая исследовательница.

В самых общих чертах в обсуждаемой работе фиксируются следующие наиболее важные тенденции.

Первая тенденция может быть обозначена как *«переход от ментализма к социальному действию»*. Эта тенденция связана с тем, что значимым становится не обнаружение и прояснение значений, которые могут скрываться за теми или иными приемами организации текста, включенными в него символами, а – *деятельное конституирование, социальное проектирование*, направленное на всевозможные изменения. В этой связи Бахманн-Медик подчеркивает актуальность дискуссий по поводу перехода от взглядов на *«культуру как продукт»* к рассмотрению *«культуры как производства»*. Весьма актуальной в этой связи видится проект социологии культуры, развиваемый Андреасом Реквицем. В рамках этого проекта понимание текстов осуществляется через *теорию практик*, сами тексты трактуются как *вместилища смысловых образцов «моделей, руководящих действиями»*. Соответствующая точка зрения укладывается в рамки *прагматического поворота*, с его усиленным вниманием ко всевозможным практикам⁵.

Старая формула *«культура как текст»* с ее текстоцентричностью в складывающейся ситуации оказывается излишне *ментальной*.

Переключение внимания на *деятельность* можно понимать и как деятельность, направленную на выход из *гомогенных смысловых систем* (при этом текст естественно

⁴ Цитировано по [1]: Geertz C. Blurred Genres. The Refiguration of Social Thought // Geertz C. Local Knowledge. Further Essays in Interpretive Anthropology. New York, 1983. P. 19—35.

⁵ Среди целого ряда современных исследований, посвященных изучению практик, можно обратить внимание на достаточно интересный обзор наработок по отмеченной теме, подготовленный российскими авторами [4].

рассматривать как систему гомогенную, тогда как дискурс – принципиально гетерогенен). Деятельностный поворот оказывается связанным с переходом от традиционных смыслов к обнаружению новых смысловых проявлений.

Смещение от *ментальности* к *действию*, *социальному действию* своеобразным образом обнаруживается и в «перформативном повороте», начало которого заложил Дж. Остин, введя термин *перформатив* в широкое культурное употребление⁶. В рамках перформативных новаций предлагается специфический вариант прочтения текста, связанный с фокусировкой внимания на *действии*, *конституировании действительности*. В этой связи, опять же, весьма характерными видятся понимания культуры К.Гирцем «как воплощенных выражений».

Вторая тенденция, характеризующая прекращение действия установки на толкование «культуры как текста», связана с перемещением внимания, в первую очередь, на *процессы культурной динамики*. Вместо *текста* актуальными становятся размышления о *чтении* и *письме*, которые принципиально *процессуальны*. Бесценный вклад в развитие этих тем был внесен французскими постструктуралистами, которые, фактически, первыми заявили о правомерности не только весьма своеобразных вариантов прочтения текстов, но и сами создавали тексты, значительно отличающиеся от традиционно принятых (Ж.Лакан, Ж.Деррида, Ж.Делез, Ф.Гваттари..). Вместо аналитических категорий, привычно связываемых с исследованием текстов, стали развиваться представления о «*ситуативных обстоятельствах*», «*намерениях*», «*диалоговых процессах обмена*», «*коммуникативных ситуациях*» и многие другие.

Третья тенденция, способствующая ослаблению внимания к представлениям о *текстуальности культуры*, вызвана усилением *интернационализации* гуманитарных исследований. Культурная глобализация размывает не только национальные границы, но и границы текста. Всевозможные варианты *гибридизации* стали всепроникающим явлением, разрушающим текстовую однородность, смешивающим культурные коды. Авторство текста стало обнаруживаться все с большим трудом. И сам текст становится похожим на своеобразное текстовое смешение, формирующееся в результате совмещения и наложения текстовых фрагментов в сознании некоего глобального, непрерывно коммуницирующего субъекта.

Связанное с глобализацией расширение исследовательского горизонта обернулось чем-то большим, чем только перенос акцента в понимании культуры и текста на концепты *телесности*, *театральности*, *ритуала*, *представления* или *действия*. И это расширение потребовало привлечения все новых и новых концептов: *медиа*, *сферы воображаемого*, *пространства*, *картографирования*...

Четвертая тенденция, обнаруживаемая Бахманн-Медик в современной культуре, характеризует определенное изменение интересов при исследовании *символов*. Символы интересуют уже не как коллективные вместилища смыслов, не как резервуары значений или «империи символического». Объектами внимания теперь предстают *процессы символизации*. Символы рассматриваются как «модели, руководствующие к действиям», *образцы действий*.

И, наконец, **тенденция пятая**, проявляющаяся в современной гуманитаристике, направлена на своеобразное «*движение по ту сторону слов*»⁷. Традиция, схваченная этой метафорой, закладывалась, к примеру, в эпистемологических размышлениях М.Фуко, психоаналитических практиках Ж.Лакана. Слова, сочетания слов начали толковаться как *то*, что не проясняет, а *сокрывает*. Тексты виделись своеобразными покровами, которые

⁶ *Перформативы* — речевые акты, равноценные поступку. Термин произошёл от латинского глагола *perficio* — совершать, заканчивать.

⁷ Wikan U. Beyond the Words: the Power of Resonance // Beyond Boundaries. Understanding, Translation and Anthropological Discourse / Ed. by Gisli Pálsson. Oxford; Providence, 1993. P. 186. (цит. по [1]).

нужно специальным образом растворять, преобразовывать для того, чтобы постигать сокрываемое.

Однако выражение «по ту сторону слова» допустимо рассматривать и иначе: по ту сторону от *традиционного* понимания слова.

Исследования Бахманн-Медик приводят к мысли о том, что в нынешних условиях – условиях активного разрастания сложного, концентрация внимания на *тексте* как важнейшем способе организации и толковании культуры оказывается сдерживающей, репрессивной установкой. Структурная «жесткость» текста, привязка к одному автору, не позволяют «схватывать» *непрерывно изменяющееся, процессуальное*. Текст оказывается репрессивен по отношению к спонтанным сложным трансформациям и именно поэтому он становится все менее привлекателен для исследователей. От *текста* внимание смещается в сторону *дискурса*, однако отмеченное, конечно же, не позволяет по аналогии манифестировать новую формулу, предлагающую понимать *культуру как дискурс*.

Усилия Бахманн-Медик, направленные на поиск новой активной метафоры, привели к фиксации своеобразного *терминологического гнезда*, вблизи которого, возможно, и формируется новая исследовательская гуманитарная установка, направленная на освоение гуманитарной сложности. К этому *терминологическому гнезду*, после всего отмеченного, следует отнести термины, которые, для удобства, можно рассмотреть в виде набора *понятийных ветвей*, это гнездо формирующих:

- *сложность, открытость, гуманитарная сложность;*
- *культура как производство, культурная динамика, процессуальность, гуманитарные практики;*
- *действие, социальное действие, социальное проектирование, конституирование, модели действия, образцы действия, ситуативные обстоятельства;*
- *коммуникативность, коммуникативные ситуации, намерения, перформативность, диалоговые процессы обмена, контекстуальность, гибридизация, креолизация;*
- *ритуал, театральность, символизация, картографирование; смысловые опции;*
- *медиа, сферы воображаемого, пространственность, «движение по ту сторону слов».*

Конечно же, зафиксированные понятийные ветви могут быть переорганизованы и совершенно иначе, и само терминологическое гнездо является образованием принципиально открытым, непрерывно изменяющимся (более подробно представления о терминологических гнездах развиваются в моей статье «»). Метафорически можно выразиться так: терминологическое гнездо – это своеобразная *мгновенная вспышка*, позволяющая осуществить «терминологическое схватывание» того или иного проявления сложности. Главное же назначение подобных гнезд в их способности «настраивать внимание» исследователей, задавать многомерный вектор, формирующий интенциональную направленность.

Подводя итог всему отмеченному выше, можно сформулировать следующие **выводы**.

1. *Гуманитарная сложность* является принципиально новым конструктом, который может быть эффективен при исследовании процессов, происходящих в современной гуманитаристике. Одним из проявлений гуманитарной сложности является сдвиг исследовательского внимания от текста к *дискурсу*, понимаемому как сложное открытое политекстовое образование, непрерывно изменяющееся под воздействием множества коммуницирующих между собой субъектов, этот дискурс формирующих.

2. К ряду гуманитарных категориальных понятий, конструктов, с помощью которых представления о *гуманитарной сложности* могут получить дальнейшее развитие, следует отнести:

- *культуру как производство* (культурную динамика, культурную процессуальность, стимулируемые многочисленными гуманитарными практиками);

- **социокультурное проектирование, конституирование**, происходящие под воздействием всевозможных *моделей, образцов действия*;
- **коммуникативность**, понимаемую в самом широком смысле, в контексте *перформативности, контекстуальности, множественных гибридизаций, креолизаций*;
- **символизацию- картографирование**, предопределяющих и закрепляющих процессы формирования *смысловых опций* развертывающейся гуманитарной сложности;
- **«движение по ту сторону слов»**, связываемое с развитием представлений об *эпистеме* (в смысле, вкладываемом в этот термин М.Фуко).

3. Новый понятийно-категориальный ряд, развивающий представления о гуманитарной сложности, целесообразно рассматривать как дополнительный по отношению к уже традиционным терминам, растолковывающим **сложность (complexity)**: *открытость, нелинейность, эмерджентность, инновативность, фрактальность, спонтанность ...*

Список использованной литературы

1. Бахманн-Медик Д. Режимы текстуальности в литературоведении и □ультурологии: вызовы, границы, перспективы/ Д. Бахманн-Медик // Новое литературное обозрение. – 2011. - № 1. – С.32-48.
2. Безуглова Н.П. «Культурный поворот» в экономических учениях//Полигнозис, 1(40), 2011. – С.72-82.
3. Бердичевский А. Языковая сложность //Вопросы языкознания. – №5. – 2012. – С. 101-124.
4. Волков В. В, Хархордин О.В. Теория практик / Вадим Волков, Олег Хархордин. –СПб. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 298 с. – (Серия «Прагматический поворот»; Вып. 2).
5. Маркович А.А. Дискурс: определения, история возникновения, типология, подходы к изучению дискурса / А.А. Маркович // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Дискурс в современном знании. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. – С. 5-17.

7. Богатая Л.Н. Многомерный терминологический анализ: развитие методологии современной гуманитаристики.

Словосочетание *многомерный терминологический анализ* является принципиально новым для тезауруса методологии современной гуманитаристики. Впервые самые общие представления о *многомерном терминологическом анализе* (МТ– анализе) были изложены в статье «Поиск конституирующего ресурса», подготовленной автором для конференции «Познавательный и преобразующий потенциал психологии как науки», которая проходила в ОНУ имени И.И.Мечникова в 2015 г.

Потребность в переосмыслении традиционных возможностей терминологического анализа возникла в связи с обнаруживающейся в последнее время проблемой проявления *гуманитарной сложности*. В самом первом приближении *гуманитарную сложность* можно определить как предельную информационную насыщенность гуманитарных текстов, формирующихся под воздействием самых разнообразных дисциплинарных смещений. Многочисленные метафоры, необычные терминологические конструкторы, «расцветивающие» тексты, превращают их в весьма сложные объекты для изучения. При этом сам текст оказывается уже «мелкой» аналитической единицей, внимание исследователей все больше смещается в сторону рассмотрения сложных дискурсов, являющих собой самые неожиданные текстовые смещения. Именно по этой причине и возникает потребность в разработке специального методологического инструментария, позволяющего эффективно осваивать актуализирующуюся гуманитарную сложность.

Главная цель данной публикации состоит в прояснении основ, истоков, ключевых понятий, фундаментальных процедур МТ-анализа. Размышления о многомерном терминологическом анализе являются естественным продолжением развития тем *многомерности, многомерного мышления*, развиваемых автором в ряде предыдущих работ [1], [2].

Философская инсталляция нового методологического конструкта

Первоначально целесообразно зафиксировать место нового методологического конструкта по отношению к достаточно близкому, но и принципиально отличному методологическому инструментарию, имеющему уже определенную методологическую историю.

Во-первых, *многомерный терминологический анализ (МТ-анализ)* не следует смешивать с *анализом лингвистическим* по причине того, что первый является суто философским методом и связан с исследованием **терминов** путем выявления в них различных *ипостасей* слова, которые могут быть обнаружены только в результате специальной философской рефлексии.

Во-вторых, *многомерный терминологический анализ* не является *терминизмом*, хотя, несомненно, самым фактом своего существования обязан и идеям терминологического минимализма У.Оккама, и средневековым логическим штудиям, оттачивающим учение о понятии и, одновременно, заложившим совершенно необычные представления о *концепте*, зафиксированные в текстах П.Абеляра.

В-третьих, *многомерный терминологический анализ* не лежит в русле активно развивающейся в настоящее время аналитической философской традиции. Причина отличия состоит в том, что набор его методологических процедур не связан с традиционным логическим анализом, который начинается с разделения высказывания на *субъект* и *предикат*. МТ– анализ плоть от плоти постнеклассической мировоззренческой установки, не предполагающей жесткого разделения *субъекта* и *объекта*.

Если же говорить об истоках и традициях, инициировавших возникновение МТ-анализа, то эти истоки кажутся удивительно различными. С одной стороны, это *русская философия языка*, проявившаяся в творчестве Г.Сковороды, П.Флоренского, А.Ф.Лосева, в их размышлениях о *слове, имени, термине, символе*. Эту золотоносную жилу русской философии языка продолжали и другие исследователи: А.А.Потебня, Г.Г.Шпет, А.Белый... С другой стороны – это естественнонаучные представления о *сложности*, формировавшиеся в рамках синергетической традиции (И.Р.Пригожин, С.П.Курдюмов, В.И.Аршинов, Е.Н.Князева и многие другие). И, наконец, размышления о гуманитарной сложности и способах ее освоения развивались под несомненным влиянием постструктуралистской традиции, ее особого ракурса, представленного работами Ж.Делеза, Ф.Гваттари, М.Фуко, Ж.Деррида, Ж.Лакана.

Дискурс как объект применения МТ-анализа

Главным объектом, для исследования которого может быть применен МТ_анализ, является *дискурс* и именно поэтому возникает очевидная необходимость прояснения того, каким именно значением в данном подходе наделяется соответствующий термин.

Количество работ, которые сегодня посвящаются *дискурсу*, можно сравнить, разве что, с числом текстов, которые лет десять – пятнадцать назад были направлены на изучение метафоры. Едва ли отмеченное является банальным проявлением *исследовательской моды*. Скорее, в очередной раз обнаруживается очень важная методологическая *модальность*, требующая для своего освоения привлечения значительного интеллектуального ресурса.

В корпусе уже наработанных разнообразных текстов о *дискурсе* можно выделить некоторые более или менее гомогенные группы.

В первую очередь, это фундаментальные пионерские разработки представлений о дискурсе, которые положили начало столь обширно сегодня представленной дискурсологии (к примеру – [11]⁸).

⁸ С учетом того, что цель данной работы не связана с подготовкой фундаментального обзора существующих исследований, посвященных дискурсу и дискурс-анализу, примеры текстов, которые приводятся в скобках, лишь типично представляют ту или иную группу разработок.

Во вторую группу можно условно отнести монографии, статьи, посвященные исследованию складывающихся подходов, школ дискурс-анализа ([17], [8], [13],...). Чрезвычайно интересно сравнение подобных монографий, принадлежащих к разным национальным традициям.

К третьей группе можно отнести достаточно редкие исследования, в которых предпринимаются попытки упорядочивания сложной полисемии термина дискурс [13].

Четвертая группа включает коллективные монографии, рассматривающие дискурс с весьма отличных точек зрения. На первый взгляд, подобные сборники какофоничны, но их несомненным преимуществом является открытость к обсуждению новых идей, нестандартных подходов. Весьма примечательным в этой связи являются коллективные сборники, подготовленные российскими философами – [16], [14].

Особую группу образуют тексты, представляющие различные варианты дискурс-анализа (*коммуникативный, семиотический, когнитивный, диалогический, интегративный, каузально-генетический, научный, философский, политический...*) ([7], [9], [14], [15], [19], [20],...).

Несомненный интерес вызывают работы, в которых предлагаются необычные подходы к пониманию дискурса, выдвигаются смелые, хотя еще недостаточно устоявшиеся во времени идеи. Подобные тексты становятся своеобразными «идейными питомниками». В качестве примера можно привести исследование современного российского философа, в котором дискурс-анализ обсуждается в контексте с «моделью предметного замыкания» [21].

Для переваривания обширной информации, связанной с изучением дискурса, создаются информационные порталы, проводятся многочисленные конференции, пишутся учебники.

Проведение даже поверхностного анализа огромного числа текстов, посвященных дискурсу, свидетельствует о том, что современная дискурсология разнообразна и многолика. И в этом многообразии видится важным фиксация особого ракурса обозрения, при котором дискурс предстает принципиально **сложным** образованием, *сложным открытым гуманитарным объектом*, формируемым *коллективным субъектом*. Можно говорить о своеобразной категориальной связке **дискурса** и **гуманитарной сложности** и сам дискурс мыслить как открытое множество текстов, каждый из которых может принадлежать совершенно различной дисциплинарной области, но все эти тексты связаны общей темой, предметом анализа.

Важно подчеркнуть, что толкование дискурса в качестве сложного объекта сразу же видится не совсем точным, ибо субъект-объектная дихотомия размывается в ходе усиления сложности. Начало размывания строго субъект-объектного противостояния зафиксировано уже в рамках неклассической традиции. Что же касается постнеклассической исследовательской установки, то здесь уже субъект и объект все больше сближаются, даже – смешиваются.

Гуманитарная сложность предстает продуктом деятельности *субъекта коллективного*, непрерывно изменяющегося под воздействием собственных же изменений. В этой связи и *дискурс* можно толковать как мгновенный симультанный слепок, позволяющий схватывать то, что непрерывно трансформируется в процессе деятельности коллективного субъекта. Использование метафоры «слепок» по отношению к дискурсу, требует специального прояснения.

Для этой цели могут быть полезны два аналитических конструкта: *картографирование* (этот концепт развивался Ж.Делезом) и *движение по ту сторону слов* (в данном случае, следует обратиться, к примеру, к представлениям о *реальном* в творчестве Ж.Лакана).

Когда речь идет о *дискурсе* как некоем *симультанном слепке*, то имеется в виду, в первую очередь, слова, знаки различных языков, которые и представляют собой те

достаточно «плотные породы», с помощью которых в дискурсе осуществляется фундаментальное схватывание, своеобразное *картографирование* исследуемого

Одна из особенностей любой карты состоит в том, что, будучи даже самой точной, она мгновенно устаревает, потому что реальная территория находится в состоянии непрерывных трансформаций. За знаками любых языков всегда скрывается настоящая, другая реальность, которая относится к любым словам, как реальная территория к карте⁹. Вот тут и обнаруживается вся грубость и приближенность метафоры «слепок». Дискурс актуализирует себя знаками-словами как слепком, но при исследованиях дискурса важно стремиться заглянуть и «по у сторону слов», попытаться увидеть то, что скрывается за этими обнаруживающимися переплетениями. Дискурс оказывается своеобразным *питомником отклонений*, в которых внимание привлекают, в первую очередь, всевозможные *прерывности, сломы, различия, переводы, границы, неточности*... Все эти отклонения обнаруживаются в результате анализа всевозможных полигибридных форм, полихронных наложения разных вариантов опыта, сдвигов символических тезаурусов,...

Метафора картографирования хороша тем, что подчеркивает не только совершенно очевидную условность карты, но и возможность *масштабирования* – фиксации реальности с разной степенью точности. В свое время М. Фуко предложил метафору *археологии*. Обе метафоры оказываются близкими: археологические изыскания осуществляются на различных уровнях погружения в породу (подобно тому, как и каждая карта имеет свой масштаб). *Терминологические слепки* дискурса также могут быть сделаны в разном масштабе. Но для того, чтобы понимать возможности подобного масштабирования необходимо к самому слову подойти с немного иной точки зрения. С этой целью и предлагается метод *многомерного терминологического анализа*, позволяющий исследовать *терминологический шлейф* любого дискурса.

Об ипостасях СЛОВА

Фундаментальным положением МТ-анализа является принятие точки зрения, согласно которой СЛОВО – потенциально *многомерно*. Каждая его *мерность* – *ипостась* – обнаруживает совершенно специфический способ его функционирования. В настоящее время можно говорить о выявлении пяти ипостасей слова: *имени, понятия, концепта, термина, символа*. Самые предварительные представления об ипостасях слова содержатся в монографии [1], в серии публикаций – [3], [4], [5].

Кратко охарактеризовать каждую ипостась слова можно следующим образом.

В *имени* фиксируется некое фундаментальное схватывание. Каждое имя – это особый лингвальный элемент, с помощью которого осуществляется процесс мышления. Развитие мышления, совершенствование мыслительных практик связано, в том числе, с обнаружением новых *имен*, в качестве которых можно рассматривать, к примеру, неожиданные, необычные *терминологические связки, терминологические конструкты*, дающие возможность именовать нечто принципиально новое. Имя позволяет осуществить самую первую, литерную кодировку исследуемого.

СЛОВО, существующее в ипостаси *понятия*, являет собой результат абстракции, в ходе которой в тех или иных множествах элементов обнаруживается нечто общее, это общее и составляет содержание понятия. Любое понятие можно достаточно строго определить. Множества зафиксированных понятий является фундаментом для формально-логического мышления. Любо понятие имеет вполне определенное значение.

Особенность *концепта* как одной из ипостасей СЛОВА состоит в том, что концепт невозможно точно определить. Любой концепт имеет не одно значение, а целый набор смыслов, которые соответствуют слову, именуемому концепт. Для концепта невозможна строгая дефиниция. Концепт обнаруживает себя многообразием близких смыслов, с помощью которых и разворачивается его содержание. С учетом того, что смыслы

⁹ В этом месте кажется уместным упоминание об удивительно глубоком по своим смыслам романе современного французского писателя Мишеля Уэльбека «Карта и территория».

возникают в результате «распаковывания» мыслей, то концепты становятся важнейшим инструментом мыслительных практик. Можно выразиться так: *концепты* чрезвычайно важны на начальных стадиях мышления, когда все еще, скорее, предчувствуется, предпонимается. *Понятиями* же оформляются конечные результаты мыслительных актов, которые предъявляются в ходе последующих интеллектуальных коммуникаций.

Термин – это особая ипостась СЛОВА, формируемая в результате многочисленных, длительных конвенциональных словоупотреблений, в первую очередь, в рамках теоретически организованного знания. К примеру, четко проясненные понятия, употребляющиеся в определенной связке, и представляют собой *терминологический каркас* той или иной теории. И если с помощью *понятия* фиксируются те или иные особенности элементов некоторого множества, то термин имплицитно актуализирует информацию о целом ряде множеств, связанных между собой.

И, наконец, еще одна ипостась слова – СЛОВО как *символ*. Если, пребывая в ипостаси термина, СЛОВО автоматически, естественно актуализирует ту или иную дисциплинарную зону, в которой он формировался, то символ отсылает к фундаментальным культурным текстам, в которых и вызревала соответствующая символическая полнота. Классическим местом пребывания символов является Библия, библейские тексты. Появление символов в тексте является своеобразной *онтологической ссылкой*, позволяющей осуществить позиционирование по отношению к тем или иным онтологиям.

Различение ипостасей СЛОВА и рассматривается в качестве ключевой процедуры МТ-анализа.

О применении многомерного терминологического анализа для исследования дискурсов

МТ-анализ связан, в первую очередь, с *выявлением терминологического шлейфа* любого дискурса или, если воспользоваться более привычной научной метафорой – с рассмотрением *терминологического поля дискурса*.

Метафора *терминологический шлейф дискурса* кажется более точной, но, на первый взгляд, менее понятной.

Специальных пояснений требует выбор слова *шлейф*, происходящего от немецкого *Schleife* – «длинный подол платья» и от «илипс» *Schleifen*, означающего «тащить», «волочить», «стелиться за чем-либо».

Конкурентными синонимами слова *шлейф* могли бы стать термины (терминологические конструкты): 1) *слепок, след, кокон*; 2) *непрерывно трансформирующаяся терминологическая оболочка дискурса; дискурс в его непрерывно меняющихся терминологических манифестациях*. Слова первого ряда кажутся излишне материальными. Что же касается терминологических конструктов ряда второго, то они воспринимаются как, в определенной мере, перегруженные смыслами.

Дополнительного пояснения требует и выбор слова *терминологический*. Действительно, почему при наличии у слова пяти *ипостасей* (если принять соответствующую гипотезу), то при исследовании дискурса осуществляется именно *терминологический* вариант анализа, а не *понятийный, концептуальный, символический* или *именной*?

Главным аргументом при выборе слова *термин*, оказались его этимологические корни, уводящие к латинскому *terminus*, означающему *предел, граница*. Исследование *терминологического шлейфа дискурса* – это всегда *при-граничные* рассмотрения. Во-первых, оформление (выявление) любого шлейфа непременно сопряжено с *ограничением*, отделением того, что попало в зону внимания, от того, что в поле зрения не включено. Терминологический шлейф – это своеобразная *открытая объемная терминологическая поверхность*, находящаяся в состоянии непрерывных изменений, связанных, с одной стороны, с состояниями самого дискурса, с другой – с состояниями непрерывно меняющегося наблюдателя.

Помимо этого, слово *термин*, как уже было отмечено выше, участвует в организации теоретических построений, в которых создаются абстракции достаточно высокого уровня. Анализ *терминологического шлейфа дискурса* нельзя назвать *теорией* того или иного дискурса, ибо слово «теория» оказывается своеобразным «прокрустовым ложем» для *гуманитарной сложности*. Гуманитарную сложность, вероятно, никак нельзя осваивать теориями, которые, как всем известно, могут достаточно часто сменять друг друга. На первый взгляд, более удачным кажется выбор словосочетания *концептуальный анализ* (концепции, в отличие от теорий, обладают меньшей жесткостью). Однако видится, что при переходе к концептуальному анализу, оказываются утерянными (ускользают, нивелируются) возможности анализа *понятийного, символического, имитационного*. Когда же речь идет о *терминологическом шлейфе дискурса*, то каждое зафиксированное в нем слово может быть рассмотрено в ракурсе той или иной ипостаси.

Многомерный терминологический анализ – это своеобразный *шаг к упрощению сложности*, упрощению сложности дискурса.

Сильное усложнение окружающего мира едва ли следует считать нормальным для человека. Сложность, не компенсированная простотой, оборачивается *не-лепостью*. Что же касается многомерного терминологического анализа, то он является примером «упрощающих практик», позволяющих укрощать сложность в результате симультанных синтезов. Подобные упрощения принципиально отличны от *классических* или *неклассических* упрощений (в первом случае, реальность моделируется одним способом, во втором – допускается рядоположение (без исключения), как минимум, двух моделей). МТ-анализ позволяет одновременно удерживать множество моделей, не отдавая предпочтения ни одной из них. Одновременное удержание многого становится возможным благодаря практикам *терминологической компактификации* (терминологического ранжирования). В результате этих практик любые проявления гуманитарной сложности заменяются набором наиболее значимых терминов, формирующих терминологический шлейф. Среди этих терминов и выявляются *имена* (*именующие терминологические связи*), *концепты*, *понятия*, *символы*, позволяющие схватывать в самом общем виде конституативные и динамические особенности того или иного дискурса.

Многомерный терминологический анализ это не только *выявление*, но и *исследование терминологического шлейфа дискурса*.

Выявленный терминологический шлейф дискурса является, в какой-то мере, *виртуальным образованием*, ибо существует только в сознании познающего дискурс субъекта, находящегося в сложной гуманитарной среде. Анализ же обнаруженных виртуальных терминологических множеств способствует своеобразным «перенастройкам» сознания, влияющим на последующие мыслительные практики.

Подводя итог всему отмеченному выше, можно сформулировать следующие **выводы**.

1. Многомерный терминологический анализ востребован в ситуациях исследования гуманитарной сложности. Наиболее очевидным примером сложного гуманитарного объекта является *дискурс*, понимаемый как открытое множество тестов различной природы, связанных между собой общим предметом исследования.

2. Основанием МТ-анализа является различение пяти ипостасей СЛОВА: *имени, понятия, концепта, термина, символа*. Каждая из ипостасей выступает в качестве своеобразной мерности СЛОВА. Многомерный терминологический анализ предопределен многомерностью самого СЛОВА.

3. В качестве основной процедуры МТ-анализа предлагается рассматривать *выявление терминологического шлейфа дискурса*.

Исследование терминологического шлейфа дискурса можно представить в виде определенного алгоритма, последовательность шагов в котором может меняться в каждом конкретном случае. В самом общем виде эти шаги фиксируются следующим образом:

а) выявление в исследуемом дискурсе *понятий, концептов, терминов*. Этот шаг кажется чрезвычайно сложным, ибо связан с проведением очень «тонких» мерностных различий. Термин, чаще всего, отсылает к конкретным теоретическим конструкциям, которые обнаруживают себя в данном дискурсе. *Термины* предопределяют специфику смысловых кодировок, соответствующих той или иной традиции, увязываются с традиционными проясняющими *понятиями* и делают тот или иной фрагмент дискурса узнаваемым. Что же касается *концептов*, то своим появлением они манифестируют своеобразную открытость к принятию других исследовательских установок. Благодаря использованию концептов вскрываются и эксплицируются существенно новые смыслы. Концепты способствуют увеличению сложности в том фрагменте дискурса, в котором они появляются;

в) выявление *имени, именующих терминологических связей* кажется более простой (по сравнению с предыдущей) процедурой. Имя, чаще всего, существенно отличается от традиционно принятых норм. Новые способы именования в дискурсах достаточно легко выявить, они «сами бросаются в глаза». Но именно это «новое» во многом и предопределяет динамику развития дискурса, и если исследователя интересуют процессы дискурсивных развертываний, то внимание к новым именованиям должно быть особым;

с) и, наконец, исследование терминологического шлейфа невозможно без выявления *символов*, которые, фактически задают способ «внешней подстройки» данного фрагмента дискурса, проявляют его онтологические инсталляции. *Символы* вместе с *новыми именами* предопределяют возможные направления динамики дискурса, манифестируют конкретный способ «культурной включенности». При этом важно понимать, что каждый символ обнаруживает свою максимальную полноту только в связях, отношениях с другими символами, через формируемые символические целостности актуализируются фундаментальные принципы.

И – самое последнее заключение. В наиболее общем виде МТ-анализ можно определить как своеобразный многомерный *взгляд-вспышку* на сложный гуманитарный непрерывно изменяющийся в своем процессуальном развертывании вербальный контент, представленный различными гуманитарными дискурсами.

Список использованной литературы

1. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – 372 с.
2. Богатая Л.Н. Многомерное мышление в контексте развития представлений о многомерности // Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – 444 с. – С.131-163.
3. Богатая Л.Н. Концепт и близлежащие категории: □илип, событие, хаос // Науковий вісник Харківського державного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди. Серія „Філософія”. – 2006. – □или. 22. – С. 36-43.
4. Богатая Л.Н. Символ в функционировании социального организма: дис.канд. филос. Наук : 09.00.03 / Лидия Николаевна Богатая. – Одесса, 2001. – 194 с.
5. Богатая Л.Н. Понятие и концепт как инструменты проявления □илипс□льного и иррационального // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Філософія. Соціологія. Політологія». – 2008. – □или. 17. – С. 54-59.
6. Гутнер Г.Б., Огурцов А.П. Дискурс // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/enc.htm>
7. Гутнер Г.Б. Прагматика научного дискурса и субъект познания//Полигнозис, 2(31), 2008.
8. Давыденко А.В. Дискурсивные исследования на Украине // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и международная коммуникация, 2006, № 1. – С. 178-183.
9. Зимин Р.В. Философский дискурс / Р.В.Зимин // Дис...канд. Филос. Наук: 09.00.01 / Иркутский государственный университет. – Иркутск, 2004. – 183 с.
10. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка /– М. : Канон+, 2008. – 437 с.
11. Квадратура смысла: Французская школа дискурс-анализа: Пер. с фр. и португ. / Общ. Ред. и вступ. Ст. П.Серио; предисл. Ю.С.Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416.
12. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003.– 280 с.

13. Маркович А.А. Дискурс: определения, история возникновения, типология, подходы к изучению дискурса / А.А. Маркович // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Дискурс в современном знании. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. – С. 5-17.
14. Методология науки и дискурс-анализ / Отв. Ред. А.П. Огурцов. – М.: ИФ РАН, 2014. – 285 с.
15. Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация /дополнительность двух традиций// Философские исследования. – №3. – 1993. – С.12-59.
16. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург :Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 177 с.
17. □илипс Л. Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2е изд., испр. – Х. : Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.
18. Хоружий С.С. Дискурсивные трансформации в построении новой эпистемы для гуманитарного знания // Методология науки и дискурс-анализ / Отв. Ред. А.П. Огурцов. – М. : ИФ РАН, 2014. – 285. – С.68-86.
19. Чернявская В.Е. Власть дискурса и дискурс власти: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В.Е.Чернявская – М.: Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
20. Шапочкин Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 101–107.
21. Шиян Т.А. К проблеме трансформации философских и научных дискурсов: модель предметного замыкания // Методология науки и дискурс-анализ / Отв. Ред. А.П. Огурцов. – М.: ИФ РАН, 2014. – С.174-205.

ЗМІСТ

Вступ	4
Тематичний план.....	6
Зміст курсу.....	7
Базові поняття курсу.....	14
Модульні питання.....	16
Література до курсу.....	17
Додаткова література до курсу.....	20
Інтернет-ресурси.....	21
Додаток.....	22

Навчальне видання

Богата Лідія Миколаївна

Методичні рекомендації з курсу

«Інноваційний характер категорій сучасної гуманітаристики»

для самостійної роботи студентів
спеціальності

7.02010101 / 8.02010101 «Культурологія»

(згідно з вимогами кредитно-модульної системи)

Видано в авторській редакції

Підп. до друку 20 .10.2015 р. Формат 60*90/16
Гарн. Таймс. Тираж 50 прим.

Редакційно-видавничий Центр
Одеського національного університету
імені І.І.Мечникова,
65082, м.Одеса, вул. Єлісаветинська, 12, Україна
Тел.: (048) 723 28 39